Алексей Зелепукин

Путешествие за грань

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Алексей Зелепукин

Путешествие за грань

Серия «Путешествие за грань», книга 2

https://litres.ru/74315019
SelfPub; 2026

Аннотация

Он пришёл за ней в портовый бордель, пахнущий дешёвым элем и человеческой тоской\. Она последовала за ним, чтобы сбежать от жизни, которую ненавидела.

Никто из них не знал, что эта встреча станет началом пути между мирами, где меняются имена, судьбы и даже сама реальность.

Но выбор, сделанный однажды, может изменить даже предначертанное — если любовь настоящая.

Алексей Зелепукин
Путешествие за грань

Путешествие за грань(объединенное)

Глава первая. шторм

— Христиане. Ударят по щеке — подставь другую. Как вообще подобное стало популярным? — презрительно хмыкнул огромный светловолосый воин, вытирая запекшуюся кровь с клинка не менее массивной секиры. — Эта религия делает людей слабыми.

Воин смачно плюнул за борт ушкуя.

Солнце ещё не поднялось над морской гладью, но тьма уже отступала. Попутный ветер хлопал полотном паруса, трещал деревянными балиспасами и хрустел напянутыми веревками, гоня судно вперед.

Ушкуй, обремененный грузом, словно нож резал гладь моря, спеша домой, на север.

Волны с шумом возмущались брызгами и кровоточили белой пеной под натиском деревянного судна, набитого трофейным златом и серебром.

Старый, почти облысевший викинг, сидящий напротив, лишь улыбнулся, продолжая перебирать пучки засушенных трав. Он был ниже ростом бравого берсерка но не уступал ему в ширене плеч, а мускулы под его загорелой кожей каза-

лись стальными канатами.

— Молод ты просто, Херген, молод и глуп. Вспомни, как бился тот тщедушный сакс. У него не было ни злата, ни скота. Но он — один стоял против шести наших. Один.

— Ты про того крестьянина, что вилами ранил ярла? Башку-то ему все равно я снес.

Воин смочил тряпку в багровой от крови воде деревянной кадки и снова принялся оттирать топор.

— Снес, — лекарь бережно перевязал очередной пучок травы бичевкой. Ты, чья профессия убийство, ты— живущий топором, сейчас кичишься победой над землепашцем, чье оружие оставило след на твоем лице и едва не отправило Вождя в Валхаллу? Достойная победа ничего сказать…

Слова лекаря больно ужалили берсерка, и тот сжал топорище до хруста в суставах, но лекарь не обратил на это никакого внимания и продолжил:

— Как бы то ни было, ярл даровал его женщине жизнь. Её даже пальцем никто не тронул. За это тот крестьянин и сражался. За это он и умер. А значит, и битву свою он выиграл. Религия не делает людей слабыми или сильными. Чем больше человек имеет, тем сильнее его страх это потерять. Богатство — вот настоящий источник слабости. А любовь — источник силы. Поэтому и раскидывал он вас как кутят слепых.

— Любовь…— лицо светловолосого викинга скривилось в презрительной ухмылке. **—…** слепых **кутят**. Я ногу под-

вернул у той церкви… знаешь сколько англов я там порубил?

— Те свою жизнь защищали. А крестьянин стоял на смерть, он пытался забрать с собой побольше наших.

— Какой ты нудный, Эрик. Как моё отношение к женщинам может сделать меня сильнее? Если только она Валькирия…— берсерк задрал голову. — Они следят за мной. Одна из них — моя суженная. Крылатая дева войны что отведет мою душу в чертоги Гладсхейма.

— Ни одна из небесных воительниц не обратит на тебя внимание, — усмехнулся Эрик, чем вызвал явное негодование гиганта. Терпение берсерка лопнуло и тот, отбросив тряпки, вскочил на ноги, занося топор, но кинжал пожилого лекаря был быстрее. Сверкнув сталью, клинок уперся в горло противника. Голос Эрика стал суровым и жестким.

— Сядь, щенок. Ещё раз дернешься — снесу твою тупую башку, как шапку грибу.

На шум обернулось ещё несколько викингов.

Глаза Эрика, голубые, как чистое летнее небо, горели огнём; в них не было ни страха перед могучим гигантом, ни намека на пощаду.

Лишь безразличие палача или матерого хищника. Хергена вдруг охватила паника. Холодок пробежал по телу, парализуя конечности. Словно сама Хель взглянула на него через глаза Эрика.

На мгновение все звуки стихли. Воины замерли ожидая развязки.

— Остынь, Эрик, убери кинжал. Впереди не одна битва, Херген ещё пригодится. Я прошу за своего воина, прости его, — голос ярла, несмотря на кровавые повязки вокруг груди, звучал зычно и властно. Пожилой лекарь повиновался. Ярл повернулся к гиганту.

— А ты, прежде чем угрожать, знай, кому грозишь. Иди в трюм, помоги Квоши с монетами.

Херген удивленно посмотрел на корабельного лекаря, но внял словам вождя,

Гигант прошептал извинения и, выместив ярость на кадушке с водой, двинулся к корме судна.

Ярл поднялся на носовой помост ушкуя, вглядываясь в даль. Сделал глубокий вдох и тут же согнулся от боли. На повязке влажным пятном проступила свежая кровь.

Лекарь вскочил на ноги и бросился к вождю.

Ярл лишь поднял руку в останавливающем жесте. Лекарь вдохнул и хотел было вернуться к своим травам, разложенным на гребной скамье, но не успел.

— Погоди, Эрик. Постой со мной. Скоро рассвет. Он прекрасен над бурным морем. И запах. Какая тут свежесть. Вдыхая его, я чувствую себя свободным. Интересно, а в Валгалле есть море? Могут ли герои наслаждаться ласками легкого бриза, который словно первый, неловкий поцелуй девственницы, ласкает чело?

— Я не был в Валгалле, князь. Но я уверен, что там не только зал, наполненный потом и смрадом перегара. Героям

не пристало беспробудно веселиться и предаваться утехам. Хотя безусловно иногда не мешало бы.

— Что ты не поделил с моим лучшим поединщиком? — Ярл оторвал взгляд от горизонта.

— Все как всегда, пытался даровать мудрость тем, кто в ней не нуждался, прости, княже. Это моя вина.

— Ты всё ещё хочешь сойти на том безлюдном?

— У каждого из нас есть свои цели. Тебе был нужен лекарь в походе, мне — судно, что пройдет мимо Буяна. Договор дороже денег, княже. Я сдержал свое обещание. Теперь дело за тобой.

— Сдержал, походную долю твою я посчитал примерно, вот то что ты просил, все до единой монеты.

Князь протянул лекарю небольшой но туго набитый кошель.

— Благодарю тебя Ярл Виндейла. Осталось только ступить на тот остров и сделка выполнена.— произнес Эрик убирая кошель за пазуху.

— Зачем тебе эти жетоны. Пусть золотые, но это не настоящие деньги, перекупщики дадут за них как за лом? Взял бы сразу подсвечник? В нем и весу больше.

— Спасибо, Ярл. Но то что не имеет ценности здесь в другом месте может оказаться несметным богатством, ты уж поверь пилигриму, клике перехожей. На некоторые вопросы лучше не знать ответов.

Ярл опустил голову, не выдержав взгляда голубых глаз ле-

каря.

— Тебя не отговорить?

Лекарь лишь мотнул головой.

— Что ж тогда самое время…— Голос вождя был печален. Он ещё раз вздохнул свежий ветер настолько глубоко, насколько позволяла повязка и зычно рявкнул: — У руля!! Взять курс на Восток!

Викинги навалились на руль, ушкуй недовольно закряхтел натянутым такелажем и хлопая парусом начал менять галс.

* * *

Ушкуй уже третий день держал курс на рассвет. И третьи сутки парус болтался на рее словно плащ. Викинги, изнеможенные греблей, начали роптать. Горизонт был чист. Лишь вдали сизой дымкой сливались море и небо.

Пытаясь сдержать данное слово, вождь повернул ушкуй на восток, к таинственному острову, но словно сами боги противились этой высадке. Ветер стих сразу, едва кормчий выровнял нос на восходящее светило. Парус повис словно висельник на суку. Застучал боевой барабан. Викинги ударили веслами. Барабан смолкал лишь тогда когда солнце уступало небесную залу желтоликой луне и мириадам звезд. А утром все начиналось с начала, едва небо начинало светлеть розовыми разводами, стук ложек сменял гром барабана и плеск

недовольных волн.

Воля вождя заставляла воинов снова и снова погружать весла в зеркальную гладь морской пучины. К зениту третьего дня, уставшие от беспрестанной гребли и изнеможённые полуденным зноем северяне совсем обессилили. Ярл дал отмашку, но едва смолк барабан, небо на севере затянуло тучами. Резкий порывистый ветер ударил в борт судна.

Заголосил рожок, а пока воины обвязывались веревками, вождь бросился на помощь кормчему.

— Выворачивай!! Носом к ветру. — Рев капитана перекрывал завывание морского вихря.— крепи груз!!! Пар…— ушкуй качнуло первой мощной волной и руль с силой ударил Вождя в грудь, сбивая с ног. Эрик успел подставить плечо и старый Викинг сохранил лицо, устояв на ногах, но кровавый кашель лишил его возможности командовать.

А через несколько мгновений начался шторм.

Судно бросало из стороны в сторону словно пожелтевший лист в горном ручье. Волны, одна выше другой, грозя захлестнуть корабль, срывали с бортов щиты, слизывая с палубы все что не успели закрепить. Парус натянулся и влек утлое судёнышко вперед, создавая крен на нос. И тут же тонны воды смыли за борт кого-то из команды.

Молитвы смешались со стонами.

— Парус!!! — прошептал окровавленными губами вождь. — Убрать парус…Он нас всех утопит…

Сквозь рев ветра и грохот волн кормчий повторил приказ,

но мощи его голоса не хватило перекрыть рев бури. Эрик вцепился в рулевое весло помогая удержать ушкуй носом к надвигающемуся валу.

Команда сидела у борта, вжавшись в сидения, мертвой хваткой вцепившись в веревки.

Сверкнула молния. Тор ударил совсем рядом.

Волна отбросила кормчего к правому борту. А с носа корабля сорвало светоч — бронзовый светильник с огнём дарованным хранителями.

— Это знак!! Поворачивай!! Дальше нельзя!!!— Раздалось среди воинов. Эрик узнал голос Хергена. Ярл бросил косой взгляд на лекаря и, стиснув зубы, поднялся на ноги.

— Поворачивай, княже… — буркнул Эрик передавая руль седовласому викингу и, вынув кинжал из ножен, зажал его зубами.

Волна ударила корабль и откатила, уступая место новой. Лекарь рванул по скользким от воды доскам палубы к мачте. Узлы на полиспастах затянуло намертво. Резать такое количество канатов времени не было. Новый вал поднимался над ушкуем огромным утесом.

С проворностью дикой кошки старый лекарь взобрался на мачту и сверху прыгнул на натянутое полотно паруса. Материал с треском разошелся. Парус сник, и Эрик полетел на палубу. Однако накатившая волна приняла его в свои объятья и мягко опустила рядом с бортом, у которого сидел Херген. Ярл потянул руль, разворачивая ушкуй на запад.

И тут же буря ушла дальше на восток, оставив после себя лишь едва волнующуюся гладь моря.

Команда выдохнула и принялась возносить молитвы богам.

Князь с недоумением посмотрел на Эрика.

— Ты никак передумал?

— Херген прав, это знак…— лекарь махнул рукой на осиротевший крюк на носу корабля.

Вождь передал руль вернувшемуся на пост кормчему и отер руков кровь с губ.

— Я думал ты не веришь в знаки.

— Небеса против вашего похода к острову, я не могу взять на совесть гибель твоего клана. Это только мой путь, княже.— улыбнулся лекарь.— Мы расстанемся в первом же порту.

— Когда хворь свалила с ног почти весь Виндейл, ты единственный кто не побоялся заразы и выхаживал моих людей. А когда Брунгильда не смогла разродиться, и даже хранители начали молебен за упокой души моего сына и жены, ты распорол ей живот своим кинжалом и достал наследника. Я помню, как дрожали твои руки, когда ты зашивал её. Благодаря тебе, я не просто счастливый отец, но все ещё и муж. Как я посмотрю в глаза моей жене, если она знает что я не смог выполнить обещанное? Как они все осмелятся явиться домой, зная что их мужской долг не оплачен?— Ярл обвел рукой своих воинов.

— Ты великий лекарь, Эрик. И я и все на этом ушкуе пой-

дут с тобой хоть в гости к самой Хель.

— Так далеко не надо княже. Не для этого я сражался с болезнями в Виндейле. Я справлюсь. Наши дороги должны разойтись.

— Как бы то ни было, но ты спас корабль и команду, а море не дало тебе разбиться. Таких чудес я не видел, лекарь. Дозволь хоть в порту оплатить тебе чарку и блудницу?

— В нашем возрасте блудницы уже…

— Соглашайся, Эрик. О страсти саксонских дев ходят легенды. — Вождь возложил десницу на плечо лекаря. — Да и не мне тебе говорить о вреде воздержания.

Команда загоготала, а Эрик лишь улыбнулся.

— Я не был в Саксонии, да и дев никогда за деньги не нанимал.

— Что ты за моряк, если ни разу не покупал любви… — начал Херген, но тут же замолчал под тяжелым взглядом пожилого воина.

— Мне даже блудницы дают по любви, а знаешь почему? От меня после шторма портки говном не воняют.

Команда повалилась от хохота, а лучший княжий поединщик вскочил с места и рванул вниз, в трюм, оставляя после себя коричневые потеки.

— А ты не только в лечении мастер, — улыбнулся ярл.

— Мы пойдем вместе. Я немного балакаю на саксонском.

— Тебе не о девах надо думать, Князь. Необходимо сменить повязку. Тебя здорово приложило этой деревяшкой…

— Это — не деревяшка, Эрик,— рулевое весло.

Глава вторая. Синеглазка

Небольшая гавань в устье реки не имела ни защитных сооружений ни гарнизона. Нанесенной рекой грунт служил естественным волнорезом, а её основное русло фарватором. Рогоз да камыши заполонили побережье, скрывая далеко уходящее в воду деревянные помостья,дальше приютились небольшие избы рыбаков и мастеровых. А за ними каменным исполином стоял постоялый двор, он же и рынок и таверна. С его стен и начинался сам город, обнесенный невысоким частоколом из жиденьких бревен. Не большой, даже по тем временам, но со правителем и какой ни какой, а гвардией. Когда ушкуй причалил, местный люд расступился. О свирепости и кровожадности северных мореплавателей давно сложили легенды, легенды обросли слухами и небылицами и превратились в мифы и песни бардов. Самих норманов в этих землях отродясь не видывали, слишком далеко стоял этот городишко от основных торговых путей. Перепуганная насмерть охрана сгрудилась в кучу у ворот, не зная что делать дальше. Сам городничий исчез в неизвестном направлении. И гостей встречал начальник рынка и хозяин постоялого двора, по совместительству. По сохранившей выправку, хоть и весьма обрюзшей фигуре было видно что он из рыцарей, а может и из наемников. Старая, видавшая виды

кольчуга была ему явно тесна в талии, хоть и перетянутой широким кожаным ремнем с медными пляшками. На боку висел длинный полуторный меч.

Херген обернулся на Вождя, ожидая команды.

Седовласый засунул топор за пояс и постучал по мошне висевшей рядом.

Огромный викинг шагнул к саксонским воинам и проорал на ломаном саксонском:

— Наша пришла в гость. Моя торговать, ваша наживаться. Утром мы уходить. Но мы можем и другим путем получать еда и продажный женщина. — Поединщик положил ладонь на обух топора, не двусмысленно намекая, каким будет этот другой путь. Гарнизон невольно вздрогнул и поежился скрепя металическими клепками доспехов. Херген улыбнулся и продолжил:

—У вас есть места где кушать, вино и наслаждаться продажный женщина?—Речь берсерка привела трактирщика в недоумение, но лишь на мгновение, потом в нем проснулся купец.

— Еда и женщины стоят денег. Вино— тем более.

— Твоя не переживайка, наша есть чем платить. Ваша золото англов берете?— берсерк высыпал на ладонь горсть золотых в перемешку с серебряными монет островитян. Бывший воитель что то шикнул помощнику и тот умчался во внутрь.

— Мы рады гостям, а богатым и щедрым ещё больше. Рад

что дело не закончилось бойней.

Гарнизон расступился пропуская Норманов во внутрь. Из ворот ударил запах цивилизации заставляя Эрика приложить к носу платок пропитанный маслом цветов. За стенами мир словно скукожился, сжался до небольших крытых сеном лачуг с загонами для свиней, хлюпкими заборами с глиняной утварью на них, вечным лаем собак и гоготом малышни. Где-то по одаль стучала отбивная кувалда кузнеца, хлопало сущащиеся на веревках белье. Все от мала до велика вышли на улицу поглазеть на страшных, но легендарных гостей.

— Не нравиться мне в этих стенах, долго и гляди, выскочит из подворотни какой нибудь утырок с кинжалом, да и там у дверей этих горе вояк осталось слишком много.— сипел Херген ровняя шаг с Вождем.

Седовласый повернулся к идущему слева лекарю.

— А ты что думаешь? Тоже считаешь это засадой?

Эрик мотнул головой.

— Они не глупцы и не поставят под удар жен и детей. Мы не первый корабль зашедший в эту бухту и не последний. За себя они конечно постоять смогут, но в открытую напасть вряд ли осмеляться. Хотя злоупотреблять вином и шастать в одиночку я б не советовал, это опасно даже для Хергена.

—Ну вот и наш постоялый двор. Судя по вывеске. Эль колбаса и сиськи. — Вождь улыбнулся. — Пойдем выберем тебе самую толковую.

Эрик начал было возражать но рука ярда легла на его пле-

чо.

— Я долго думал над твоими словами лекарь. Я так понимаю ты в поход то с нами пошел только из за своих жетонов.

— Ты проницателен Княже. Так и есть, тебе я врать не стану.

— Ну тогда держи. — вождь взял у Хергена кошель которым тот хвастался при входе и сунул его в руки Эрика.

— и не вздумай перечить. Это команда собрала, в благодарность за испорченный парус. Твои то для дела небось.

Эрик кивнул, и сунул мошну в карман штанов. Ярл улыбнулся и продолжил:

— Насчет дев.Ты не смотри что они замарашки, или страшненькие, нормальная баба по своей воле телом торговать не станет, за то дело свое они точно знают.

* * *

Когда двери в постоялый дров растворились в глубине зала таверны Норманов уже ждала ватага девиц не высокой нравственности, прослышав о богатстве гостей, женщины надели свои лучшие наряды.

Синеглазка сразу привлекла внимание Эрика, словно других девушек в таверне не было. Кармическая связь, колдовство или что то другое, но сердце видавшего виды лекаря начало стучать сильнее. А дыхание сделалось не ровным. Даже Херген заметил эту перемену в пожилом мужчине, но рот

открыть он не успел, Ярл толкнул его в бок.

— Выбирай, сегодня ты герой. —княже подтолкнул Эрика вперед.

Девицы, как по команде начали демонстрировать свои прелести, кто-то задрал подол, демонстрируя стройные бедра, кто-то хвастался большой грудью, пытаясь завоевать клиента, все кроме синеглазки. Эта рыжеволосая девушка лишь потупилась в пол опустив голову.

Из строя девиц, демонстрирующих свои прелести, Эрик выбрал именно её: худощавую и длинноногую девушку с осиной талией и почти ещё детской грудью.

Было в ней что-то до боли знакомое и родное, а коса, доросшая до пояса, действовала не хуже приворотного зелья.

— Ты уверен? Смотри, вон та, вторая справа с большими сиськами, наверняка знает, как ублажить мужчину. — переспросил ярл— Или вон та, последняя в ряду, черноволосая красотка. Ты только глянь на её губы, даже страшно представить, что она может ими вытворить с твоим братом. Ты как к поцелуям ниже пояса?

Эрик качнул головой в ответ на реплику князя и указал на синеглазку.

— Эту для моего друга, — рыкнул князь. — И тех двух мне, — указал на девиц, что предлагал Эрику.

Хозяйка заведения хлопнула в ладоши, и девушки повели гостей в свои комнаты.

Синеглазка затворила дверь за гостем и зажгла лучину.

Она двигалась слишком плавно, слишком чарующе. В комнате пахло совсем не так, как внизу. В неказистой глиняной чашке дымились какие-то благовония.

Чуткий нос лекаря угадал запах сандала и лепестков роз.

Тяжелой походкой мужчина пересек комнатушку и плюхнулся на кровать.

— Твой друг сказал, что ты не говоришь по-нашему. Как вот с тобой быть? Что делать-то? — бубнила девушка, снимая с себя одежду. — Надеюсь, в ваших краях извращений не любят. С таким детиной я же не справлюсь, если ты решишь чего непотребного учудить. Имени не спросить даже… Вот и чего тебе хочется, дикарь неотесанный.

Девушка скинула одежду и вышла на свет лучины.

— Распусти косу, если не сложно, — прошептал северянин, совсем без акцента, поудобнее устраиваясь на постели.

Девушка ахнула.

— Ты же… Но ведь ваш… А я… — залепетала девушка, стыдливо прикрыв лицо руками.

— Если сохранишь мои познания в секрете и будешь послушной, заплачу двойную цену.

Девушка задумалась, переминаясь с ноги на ногу.

Двойная цена — это очень заманчиво. Хозяйка и братья об этом не узнают, и можно будет купить что-то повкуснее пресной похлебки в таверне…

Но просьба северянина всё же насторожила девушку. Мало ли что крылось за его словами: «быть послушной».

Девушка оценивающе посмотрела на гостя, пытаясь понять: похож ли он на тех извращенцев, после тесного общения с которыми остаются шрамы и синяки на теле.

— Распусти волосы, красавица, — повторил северянин, и щеки проститутки, привыкшей к ругани и мату, зарделись румянцем.

С виду суровый, пугающий до дрожи в коленках мужчина вёл себя вежливо, покупая, и она решилась.

— Тройную, и я сделаю всё, что ты пожелаешь.

Эрик улыбнулся и выложил на тумбу у кровати три серебряных монеты.

Девушка попятилась. Её услуги стоили пять медяков, а сейчас перед её глазами лежало почти несметное сокровище!

В голову даже закрались мысли о том, что чужестранец всё же не понимает языка и недопонял цену.

Или что?

Девушка взяла одну из монет. Её форма была овальной а на аверсе красовался портрет молодого, ещё безбородого юноши.

— Какие странные монеты, никогда раньше таких не видела.

— Это деньги Амосии, а тот красавчик властелин замка Аншатукаш, его высочество Асмодей Ангренский.

— Никогда не слышала о таких— прошептала девушка, стараясь скрыть за фразой внутреннюю борьбу.

«А черт с ним, вряд ли он страшнее хамоватых моряков из

южных земель», — подумала рыжеволосая, решив, что за такие деньги можно и потерпеть. И даже из возможных травм на теле можно извлечь выгоду. Ведь на восстановление товарного вида потребуется время, а значит: пару недель не придётся смотреть на пьяные рожи клиентов.

Девушка выдохнула, принимая окончательное решение, и стала спешно расплетать волосы.

— Не торопись, медленнее, позволь мне насладиться твоей грацией, — прошептал Эрик, зачарованный зрелищем.

Девушка повиновалась. Как только её волосы рассыпались по загорелым плечам, она несмело сделала шаг в сторону северянина.

Он не набрасывался на неё, словно оголодавший зверь, и это на самом деле больше пугало, нежели успокаивало.

— Ты смотреть будешь или разденешься? Или в ваших краях занимаются этим в одежде? Говорят, у вас холодно, вы вообще моетесь?

Эрик улыбнулся и поднялся с кровати.

— Каждую седмицу на пятый день, — ответил, и кожаный нагрудник с наклепанными металлическими пластинами звякнул, падая на пол, демонстрируя сквозь льняную рубаху бугры могучих мышц. — Не бойся, синеглазая, я не обижу.

Девушка осмелела, опустила руки, прикрывающие грудь, и начала растягивать деревянные пуговицы на рубашке гостя.

Его комплименты и тело, выточенное словно из скалы, внезапно пробудили внизу живота давно забытое желание.

Для нее секс стал работой, и вспыхнувшее желание приятно удивило. Гигант шептал ей на ухо странные, но безумно приятные слова, словно перед ним не портовая шлюха, а благородная дама.

Девушке было не очень комфортно, но искренность в голосе чужака сделала свое дело. Она прильнула к его пересеченной странным широким шрамом груди, вдыхала его запах. Он пах солью и морем. Волнами и ветром, совсем не так, как те, кто приходил сюда до него.

— Кто ты? — прошептала, но тут же забыла о вопросе, ощутив его губы на своей шее.

Северянин точно знал, что делал. Дорожка из его поцелуев шла ниже и ниже, заставляя девушку тяжело дышать. Он словно выписывал губами странные руны на её теле, заставляя проснуться почти угасшие ощущения.

Странно, но этот варвар умудрился разжечь в ней настоящий пожар.

А когда он поднял её за бедра и начал целовать грудь, она уже всем своим нутром жаждала ощутить его внутри своего тела. Впервые это было что-то большее, чем просто обязанность. Впервые она искренне этого хотела.

Варвар играл на ней, как искусный бард на лютне, заставляя душу таять, а тело истекать влагой желания.

Эрик уложил ее на кровать, и девушка развела ноги, при-

глашая гостя войти, но тот лег рядом, продолжая свои ласки. Прошелся пальцами по лобку, а потом чуточку ниже, едва задевая влажные лепестки у самого входа.

Девушка выгнулась, реагируя на ласку.

— Войди в меня, — прошептала, но северянин снова вернулся к её соскам, кружа по ним языком.

Пальцы мужчины начали медленный танец вокруг клитора, время от времени дразня вход во влагалище.

Охваченная дикой страстью, девушка обхватила ладонью толстый член гостя, не в силах больше бороться со своими инстинктами и желаниями.

— Боже, какой он у тебя… Я хочу... Я больше не могу... Пожалуйста, — шептала, словно в бреду, отдавшись порывам давно забытой страсти.

Её лоно расширилось и жаждало наполнения. В мозгу девушки мелькнула мысль, что на данный момент она согласилась бы абсолютно на всё, что бы ей не предложил этот пугающий, но в то же время до безумия нежный северянин.

— Какая ты огненная, — прошептал Эрик, играя с клитором и наслаждаясь тем, как громко стонала и извивалась от его прикосновений юная красавица.

— Делай, что хочешь, только возьми меня, наконец, господин, — слетело с искусанных губ, и северянин накрыл её своим телом.

Но не так, как все эти полупьяные мужланы. Он едва касался её тела, она чувствовала жар его кожи, а не вес, и это

распаляло ещё больше.

Член вошел полностью в истекающее соком лоно. Начался древнейший танец, настоящее танго жизни.

Девушка обхватила руками шею гиганта, а когда он начал двигаться настойчивее и быстрее, её ноги сомкнулись на его бедрах.

Впервые в жизни с ней занимались любовью, а не использовали. Впервые она чувствовала себя желанной женщиной, а не куском мяса, который бросали голодным псам за пару медяков.

Несмотря на всю свою нежность, гигант не казался неумелым теленком. Его толчки были мощные, как удары тарана в городские ворота, и ритмичными, как барабанная дробь.

Как же ей хотелось вжаться в этого странного мужчину, слиться с ним в единое целое. Отдаться полностью, раствориться в этом моменте… Подобные ощущения заполнили разум, и противостоять им не осталось сил. Хрипло застонала, содрогаясь в оргазме, и обессиленно обмякла в крепких руках варвара.

Сладкая эйфория ещё гуляла по венам, но девушка твёрдо была настроена отблагодарить северянина за подаренные эмоции, за негу блаженства, которая позволила ощутить себя самой счастливой на свете.

Управлять таким могучим телом было равносильно тому, как сдвинуть гору, но девушка попыталась перевернуть мужчину на спину, и он поддался. Позволил ей руководить и об-

хватить головку члена губами.

Язык заскользил по бархатистой плоти, вырисовывая узоры, и суровый северянин не смог сдержать стон удовольствия.

Размеры члена не позволяли взять его в рот целиком, но девушка умело помогала себе руками, стремительно подводя варвара к окончанию.

Спустя пару минут мощная струя спермы ударила о нёбо, и рыжеволосая победно улыбнулась, испытывая огромное удовлетворение от того, что пусть не надолго, но получила власть над этим могучим здоровяком.

Эрик, распаленный близостью с голубоглазой красоткой, обнял её и зарылся носом в шелковистые огненного цвета волосы.

Тело юной саксонки дышало здоровьем. От нее приятно пахло сеном и свежим хлебом. Эрик глубоко вдохнул, пытаясь запомнить аромат луговых трав и цветов.

Пламя почти полностью прогоревшей лучины едва разгоняло мрак лачуги, добавляя темных тонов к загорелой коже синеглазой девушки, красиво оттеняя темно-розовые соски.

Северянин не удержался и зарылся пальцами в волосы девушки, наслаждаясь их мягкостью.

— Ну, спутаешь, будут космы. Клиентам не нравятся зачуханные косматые замарашки. Зря я вообще согласилась косу расплести.

Девушка отстранилась и вылезла из-под огромной и тяже-

лой, словно лапа бурого медведя, руки лекаря.

Она присела на матрасе спиной к огню и поправляла свои длинные волосы. Эрик лишь улыбнулся и, подняв с пола суму, начал в ней копаться.

— Ты чего это удумал? — насторожилась, но в руке лекаря блеснул костяной гребень очень тонкой работы с серебряными вставками и ажурным узором.

— Что это? — зачарованно спросила, не в силах отвести взгляд от гребня.

— Подарок, расческа, — викинг протянул гребень девушке.

— Даришь подарки, даже имени не спрашивая? Кто ты такой? Богач или сумасшедший? — пробурчала девушка, но гребень схватила, боясь, что варвар передумает.

Повертела его в руках, а потом провела им по волосам.

— Этим расчесываются ваши женщины?

— Ну, почти, — едва слышно ответил мужчина, любуясь грацией девушки и огнем в её озорных глазах.

— Меня Манива зовут, — прошептала, опустив глаза.

— Странное имя для саксонки… — глаза Эрика сузились в прищуре недоверия.

— Я и не саксонка. Корабль в шторм попал. Меня к берегу без сознания прибило. Но это долгая история. А, правда, что все северянки бородатые, и от мужчин они отличаются только сиськами. Большие сиськи, — она опустила взгляд на свою ещё едва только округлившуюся грудь.

— Нет, конечно, — рассмеялся норман, поглаживая свою бороду. — Да, и сиськи у всех разные. А ты бы завязывала с этим делом. Уехала бы отсюда. Замуж бы вышла.

Веселый огонек в глазах девушки моментально погас.

— Да, кто ж возьмет в жены шлюху портовую? Без денег и без невинности?

— Деньги… — тяжело вздохнул воин. — Сегодня они есть, а завтра карман пустой. А послезавтра снова едва не рвется от тяжести монет. Есть у меня трошки, этим я подсоблю. А невинность… ну, считай ты теперь опытная, знаешь, как мужчину ублажить. Если бы мне не на остров треклятый, может, и взял бы. Только на кой тебе старикан-то лысый? Тебе мужик помоложе нужен, да, порезвее. — Эрик вынул из котомки старую потертую мошну со странными монетами и протянул девушке, и она с недоверием отстранилась.

— Ты колдун какой? Где же видано подарками и монетами так сыпать?

— Не колдун, но дело меня ждёт не светлое. Там мне монеты без надобности. А ты, если повезет, словом добрым помянешь. А оно мне там, за гранью, — голос Эрика вдруг стал грустным словно он вспомнил о чем то родном.— глядишь, и подмогой станет. Бери, не бойся и беги отсюда, пока какой придурок тебя по-пьяни не покалечил или не прибил.

За дверью раздались тяжелые шаги.

Девушка расплакалась и начала кланяться, шепча одними губами:

— Дура я, прости меня, грешную. Прости скотину продажную.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в лачугу влетело несколько громил.

Викинг среагировал раньше. Он бросил подушкой в первого. Тот прикрыл голову и тут же получил чудовищный удар в печень. Детина упал как подкошенный, воя от боли. Второму достался прямой в нос, кости незваного гостя противно хрустнули, а на неструганные доски пола лачуги брызнула кровь. Он согнулся и тут же столкнулся с коленом лекаря. Безвольным мешком грабитель отлетел в угол.

Третий из ворвавшихся в каморку бугаев оказался удачливее остальных. Лезвие его клинка распороло кожу на плече Эрика. Но на этом удача саксонца закончилась. Лекарь пнул его ногой в живот и сломал о его голову табурет.

— Кто это? — викинг стоял в чем мать родила с обломком ножки в руке над поверженными грабителями.

— Винсент-колчерук. Он с братьями тут самый главный. Все девчата под ним. Оброк платим.

— А чего ж он так врывается, если это его заработок?

— Так мне хозяйка шепнула, будто князь ты заморский, велела время потянуть. Я им денег должна. Вот они и велели тебя удержать, чтобы ограбить. Или меня саму на куски бы порезали, а ты такой... Я с тобой обо всем на свете позабыла и про них тоже. Ты заставил меня себя женщиной почувствовать... — слезы текли по щекам девушки. — Прости ме-

ня. Ты единственный, кто меня, падшую... да, ещё и подарком наградил, а я… — девушка разревелась не на шутку.

— Много должна?

— Много, без четверти золотой.

— Это за что столько? Это ж считай три овцы… — У викинга поднялась от удивления бровь.

— Ну, за охрану, кров, еду…. — девушка перестала плакать, но плечи ещё дрожали.

Викинг поднял с пола кинжал.

— Никому ты больше ничего не должна, Манива. Бери деньги и уезжай отсюда. Уезжай ещё до рассвета.

— Но они же…

— Иди, девочка, не нужно тебе смотреть, что сейчас будет. Эти вряд ли причинят ещё кому-нибудь вред.

Накинув холщовку и зажав в руках гребень и мошну, девушка бросилась прочь из каморки.

И лишь оборвавшийся крик и хрипы дали ей знать, что она теперь свободна.

Глава Третья. Рыцари Уингрода.

На шум сбежалась вся команда ушкуя. Голые или едва прикрыв наготу, они вломились в комнату Эрика с оружием на изготовку.

Первым влетел ярл. У него ещё была эрекция, но глаза сверкали яростью, в руках блестела секира.

Увидев тела и кровь, первым делом он спросил, что слу-

чилось.

— Самооборона, мой конунг. Но теперь я знаю, почему Тор не дал нам добраться до острова. — Лекарь был уже одет в доспех, а из-за широкого пояса торчала рукоять длинного кинжала. — Я нашел то, что искал. Ты сдержал слово, князь. Дальше наши пути разойдутся.

— Но мы в Саксонии. На побережье нас ещё боятся. Но стоит углубиться дальше на запад, и все, кто встретится на твоем пути, будут стараться убить тебя.

— Стараться и смочь — не одно и то же, княже. И ты это знаешь не хуже меня. Твой ушкуй полон серебра. Люди устали, и дома их ждут жены. Спасибо за всё.

Эрик поклонился ярлу.

— Да будет так, мой друг. Но знай, ворота штормового ветра всегда открыты для тебя.

Эрик перекинул котомку через плечо и вышел из комнаты.

* * *

Манива бежала напрямик, не разбирая дороги и не оглядываясь. Она чувствовала себя свободной и окрыленной. Ноги несли её прочь из злополучной клоаки портового городишки в бескрайнее раздолье полей, обрамленных темным забором вечнозеленого хвойного леса, а руки прижимали к груди подарки странного посетителя. Она потеряла счет

времени. Все бежала и бежала куда глаза глядят. Но сил не уменьшалось, а наоборот, с каждым шагом их становилось словно больше. Ржаные поля закончились, и луговые травы наполнили воздух своим ароматом. Маниве хотелось плакать и смеяться одновременно. Слева сверкнула голубым самоцветом река. Блеск волн, мерно катящих воды этой огромной голубой змеи, пробудил в ней жажду и необоримое желание освежиться. Девушка недолго думая свернула с тропы к реке. У большого куста дикого боярышника она разделась и зашла в освежающую прохладу реки. Вода словно смывала с нее грязь прикосновений запотевших рук мужчин, плативших разбойникам за близость с ней. Девственности это, конечно, ей не вернуло бы, но вот душевный покой дарило.

Наплескавшись, она решила было выбраться на берег, но мужские голоса остановили её, заставив остолбенеть и спрятаться.

Сердце замерло от страха. Ужас сковал мышцы, мешая дышать.

— Арнаур, ты сумасшедший! — прокричал один из мужчин в странной кожаной тунике.

Это же Бельгест. Русалочья река. Приближаться к ней — самоубийство.

— И давно храбрый рыцарь Уингрода боится детских сказок? Ты ещё скажи, что веришь в демонов или оборотней.

— Ты зря смеешься над народными преданиями, Ар. Дыма без огня не бывает. Русалки под видом девиц заманивают

воинов в реку и топят их.

— Да брехня все это. Сказки тех, кто не умеет плавать. Да и потом мы четвертый месяц гоняем в этих лесах Волков, в попытке настичь Нелумского зверя, у меня стоит даж при одном упоминании о женских сиськах. Я б покувыркался сейчас даже с русалкой.

Тот, кто откликался на имя Арнаур, спрыгнул с лошади и зашагал прямиком к кустам боярышника. Манива, набрав воздуха в легкие, ушла под воду.

— Смотри, тут чья-то одежда. — Мужчина в кольчуге поднял холщовку Манивы, и из вороха ткани выпал гребень. — Ого, и ещё женская.

— Ар, чары русалок действуют на всех людей, им все равно кого тащить на дно, смерда или рыцаря.

— Подожди, Эридан. Тут что-то не так. Тряпье явно смерда.

Кость блеснула серебром отделки в руках мужчины.— А гребень королевский, и кошель полон, и не медью.

Арнаур, ссыпал монеты обратно и обнажив клинок, двинулся к кустам.

Манива стиснула зубы. Воздуха в легких не хватало. Голова стала кружиться, но вылезать из воды было не менее опасно. Она знала это по своему опыту.

— Ар, не надо… — взмолился попутчик, которого звали Эридан.

— Это точно женщина, её послали нам боги. Я измучился

без женской ласки и не уйду, не получив её. Будь это сама Фавна.

Воздух закончился, инстинкт самосохранения вытолкнул девушку на поверхность за глотком воздуха. Она встала во весь рост. Хватая воздух ртом. Как загнанная лошадь.

— А вот и мой приз. А ты не верил в удачу. — Губы Арнаура расползлись в плотоядном оскале, едва ли походившем на улыбку.

Воин пожирал девушку глазами, но подходить к воде не рискнул.

— Ну, рыжая, не стесняйся, идем сюда. Покувыркаемся. Я даже верну тебе твой гребешок и возможно немного монеток.

Манива закачала головой.

— Я лучше скормлю себя русалкам, чем раздвину ноги перед тобой, высокородный ублюдок.

— Смотри, Эридан, она ругается как холопка. Холопки сильные. Этой на двоих хватит. — Ар снова повернулся к Маниве. — Вылезай, мы обещаем быть нежными. Правда, Эри? Мы будем нежны?

Ар**наур** сделал шаг к воде. Не отводя глаз от интимных мест Манивы.

— Не молчи, Эри, ты же не убьешь такую красоту… — **Рыцарь** сделал ещё шаг к воде. Но молчание друга заставило его обернуться, именно в этот момент кинжал Эрика нашел сердце рыцаря.

— Никто из вас не убьет её! — прорычал сквозь зубы викинг, продолжая наносить удары кинжалом в грудь рыцаря. Сталь доспехов, словно бумагу, прошил светящийся синим цветом клинок кинжала.

* * *

Девушка остолбенела от вида смерти. Эрик произвел на нее впечатление ещё там, в доме красных фонарей у порта, но то, что он вот так одним движением сразил казавшегося ей несокрушимым, закованного в доспехи рыцаря, было для нее непостижимо. Разум подсказывал Маниве, что человек с одинаковой легкостью дарящий дорогие подарки и отнимающий жизни, как минимум опасен. Очень опасен. «Зачем он здесь? Почему пришел? Хорошо, если просто забрать подарки, а если ему от меня что-то нужно? Но что я могу ему дать? Он наверняка колдун, но те охотятся за девственницами. Портовые шлюхи для них слишком испорченны…»

— Манива, выходи на берег, эти воды очень опасны, недаром о них ходит дурная молва.— Голос лекаря прервал поток мыслей и вывел девушку из ступора. Но выходить из воды она не спешила. Рыжеволосая уже прикидывала, хватит ли ей сил переплыть реку и справиться с её бурным потоком. И что опаснее: заплыв нагишом на ту сторону или компания этого очень странного гиганта.

— Зачем ты тут? Если решил забрать подарки, они на бе-

регу, я не потратила ни сантима.

Эрик шагнул к берегу, Манива нагнула глубже в воду.

— Я пришел, чтобы помочь.

— Зачем такому, как ты, помогать такой, как я?

Эрик обтер кинжал от крови рыцаря и, убрав его в ножны, сел на корточки.

— Давай, ты выйдешь, и я клянусь всеми богами, что расскажу тебе все. Правда, потом, скорее всего, ты решишь, что я сумасшедший.

— Говори сейчас, я хорошо слышу, и плаваю не хуже, ты не догонишь меня на воде. Лука у тебя нет, а кинжал дарить реке ты не захочешь.

Эрик огляделся рядом с трупом рыцаря валялось его копье. Манива заметила его взгляд и ей стало жутко страшно, но северянин не стал наклоняться за оружием. Вместо этого он почти взмолился:

— Манива, пожалуйста…

— Рассказывай, а я уже решу, в какую сторону мне двигаться.

Девушка выпрямилась и подбочинилась.

Эрик едва не расхохотался от вида обнаженной девушки, диктующей свои условия, стоя по пояс в воде. Он видел, что ей не очень-то и комфортно. Соски на груди затвердели и удлинились, и это был явно эффект не возбуждения.

— Если ты заболеешь, я себе не прощу… — произнес викинг и, поднявшись, двинулся вглубь берега. — Я просто

прошу выйди из воды, ты всегда сможешь нырнуть обратно. Ты ранена,эти ироды успели навредить тебе? — вдруг занервничал лекарь увидя алую струйку на плече девушки.

— Вроде нет,— волнение мужчины передалось и девушке.— Почему ты спросил? Или это очередная уловка?

— У тебя кровь, на плече…— лекарь указал пальцем на левую руку девушки. — А местные твари очень чувствительны к крови, выходи.

— Ты, не задумываясь, уложил двух рыцарей, но боишься сказок?

— С чудовищами справиться сложнее, и кстати у этих двоих могут быть друзья поблизости. Встреча с ними вряд ли принесет нам пользу. Выходи, пожалуйста. У тебя кровь течет. — Раздражение в голосе Эрика набирало силу.

Манива осмотрела себя и рассмеялась.

— Это не кровь. Краска. Мои волосы седые. И если их не красить, клиенты отказываются спать со старухой ведьмой.

— Это ты-то старуха-ведьма?

— В Саксонии есть поверье, что ведьмы на Онкрест собираются на Лысой горе и прелюбодейничают с невинными юношами, в крови которых потом купаются, это дает им молодость. И только седину волос скрыть нельзя.

— Ты поэтому бреешь? — спросил Эрик, опустив взгляд на пах девушки.

Манива покраснела и прикрылась рукой.

— Краска очень дорогая, легче брить, чем все выкрасить.

— С каких пор саксонцы перестали отличать цвет серебра от седины?

— Серебро многие из моих клиентов отродясь не видели. А после прошлогодней засухи люди забыли даже как звенит медь. Иногда приходилось работать за еду.

— Клянусь всеми богами, я не причиню тебе вреда. Ты уже продрогла. Идем на берег.

Манива слышала в своей недолгой жизни немало клятв, этой почему-то поверила, но едва она начала движение к берегу, вода за её спиной вспенилась, и из нее вырвалось несколько тентаклий мерзкого коричневого цвета.

Что-то липкое и скользкое обхватило девичий стан. Запахло тиной и гнилью. Манива закричала. Речное чудовище словно ждало этого, и ещё одно щупальце, но более тонкое и розоватое, обвило её шею. Дальше все было как во сне. Эрик метнул копьё Ара. Лезвие с чваканьем влетело во что-то позади нее. Хватка чудовища мгновенно ослабла. Щупальце на шее разомкнулось, но коготь в тентакле разорвал артерию девушки. Кровь фонтаном хлынула из раны. Манива попробовала вдохнуть, но у нее ничего не вышло. Ужас приближающейся смерти объял её волю. Все, что она успела, это попыталась зажать рану, обагрив руки собственной кровью.

И только дикая тоска не прожитых лет жгла душу, столько всего не успела, может, зря я пыталась убежать от своей жизни.

Время замедлилось, словно застыло в густом киселе.

Эрик подхватил её на руки, вынес на берег и уложил на спину. Горло жгло страшной болью. Она чувствовала, как с кровью уходит и её жизнь. Стало совсем холодно, несмотря на летний зной, и лишь теплота ладоней лекаря на ране ещё удерживали её душу в теле.

— Успокойся. Все будет хорошо. — Эрик зажал рану на горле девушки. — Смотри на меня. Манива, смотри на меня!!! Ты дочь демиурга, я слишком долго тебя искал, чтобы отпустить сейчас.

Девушка отвела взгляд от окровавленных рук и уставилась в серые, как мрачное небо, глаза лекаря.

Тот зашептал.

Речь была странной и непонятной, резкие шаркающие звуки явно принадлежали к чужому наречию. Мышцы на шее викинга вздулись, все тело напряглось, словно он вцепился во что-то и явно не хотел отпускать. С носа на бороду упало несколько капель крови. Эрик зарычал, словно дикий зверь.

— Она пойдет со мной. У тебя нет над ней власти. Отступи, или мы оба пожалеем об этом. Клянусь Шекспиром, я камня на камне не оставлю от этой фабулы!

Лишь ветер в ответ ударил в лицо воина развивая его бороду.

Боль в шее исчезла, осталось лишь тепло мозолистых и тяжелых ладоней северянина.

Он облегченно вздохнул, и его взгляд посветлел, теперь глаза Эрика напоминали голубизной бездонное летнее небо.

Манива попробовала вдохнуть. Получилось. Потом ещё и ещё. Она глотала свежий воздух, словно портовый алкаш свежее вино утром после попойки.

Ей хотелось кричать от радости, но с её губ слетел только шепот.

Она коснулась руками губ.

— Прости, это плата. Нельзя что-то забрать, не отдав взамен совсем ничего. Мою мзду дух смерти взять не захотел.

Глава четвертая. Оборотень

Манива все ещё не веря в происходящее ощупала себя.

От раны не осталось и следа. Эрик собрал одежду девушки и помог ей одеться. Так же он помог ей собрать волосы в подобие косы и закрепил все это костяным гребнем.

— Ну вот, так-то лучше. Но нам на самом деле пора. Скоро здесь будет вся дружина. Судя по всему, эти двое — передовой разъезд. А всадники Уингрода больше всего не любят находить тела убитых товарищей.

Манива хотела задать вопрос но Эрик приложил палец к её губам.

— Потерпи, тебе нельзя сейчас напрягать связки, совсем онемеешь. Ты хотела спросить откуда я знаю о приближении рыцарей?

Девушка кивнула.

— Вон там видишь?—Эрик указал на восток,— пыль столбом и вороны раскаркались. Пока собак не слышно , значит фора есть. Нам ещё считай повезло, что на тебя напал кальмар-отшельник. Эти твари редко кочуют.

Эрик обшарил тела поверженных. Он вытащил из-за пазухи рыцаря свиток с большой сургучной печатью. Находка явно обрадовала лекаря и он улыбнулся, повернувшись к девушке.

— У тебя есть несколько минут, пока я подтащу тела рыцарей поближе к воде. А потом нам надо будет уходить.

Манива всё ещё была в шоке после произошедшего. Ещё несколько минут назад она захлебывалась в собственной крови, а теперь она должна куда-то идти со странным человеком.

— Что за Уингрод? Никогда не слышала о нем. Что делают воины чужого княжества в этих лесах, и что за бумагу ты взял у мертвеца, зачем она тебе? Саксонцы не поощряют мародерство.

— Ты об этом?— Эрик помахал свитком.— Уилгрод закрыли, без приказа подписанного комендантом цитадели, в город не войти не выйти. А тебе эликсиры и настойки их целителей очень пригодились бы. По крайней мере, я был бы уверен что не потеряешь голос окончательно.

— В Саксонии много травниц, здесь как раз должна жить одна, на опушке .

— Ты давно уже не в Саксонии, Манива. Твоя искра силь-

нее, чем я думал. Именно её и учуял кальмар.

— Да я едва на пару лиг отбежала от порта. — прошептала девушка, указывая рукой на север**,—** его **должно быть ещё вид**… — она осеклась. От знакомого пейзажа не осталось и следа. Там, где должны были маячить мачты кораблей, возвышался могучий утес, а за ним непроглядной трущобой чернел лес.

— Это чащи Маргелона. Вотчина Нелумского зверя — короля оборотней. А дальше — земли минотавров.

— Кого? Какие минотавры? Это ещё кто?

— Не важно, нам пора. Бельгест — путеводная нить. Нам туда. — Эрик махнул рукой по течению реки. Тут до Уингрода не далеко. Без целебных мазей голос может пропасть навсегда.

В голове Манивы все спуталось. Минотавры, оборотни, странная гора, девственный лес… «наверное, меня лихорадит, или этот северянин что-то подмешал во вчерашний эль. Как бы то ни было, пока он спас ей жизнь, а значит, нужно следовать его указаниям, по крайней мере, пока не пройдет хмель или действие той гадости, которую этот лекарь заставил её выпить».

В это время северянин подвел одного из коней в плотную к воде, там где лежали тела самих рыцарей и резким ударом в шею сразил животное. Конь вскочил на дыбы и заржал, на звук из воды показались уже знакомые Маниве щупальца. Тентаклии обвили скакуна и потащили в воду. Эрик вернул-

ся ко второй лошади и начал поправлять подпругу

Манива оторвалась от обедающего чудовища и подошла к Эрику.

— Ты в седле умеешь?— тут же задал вопрос северянин.

Манива отрицательно мотнула головой, свежий ветер разметал её локоны по плечам. От этого зрелища Эрик замер.

— Что?— усмехнулась девушка глядя на застывшего с открытым ртом мужчину. Смех, мягкий, едва слышный привел Эрика в себя.

— Это не сложно, все равно лучше чем пешком драпать, запрыгивай на буланого, я подсажу— пробурчал Эрик беря коня под уздцы. Скакун повиновался, и спустя мгновение Норман закинул Маниву в походное седло.

Эрик шел быстрым шагом ведя коня под уздцы. Манива качаясь в седле до ужаса боялась свалиться с этого грациозного и мощного животного. Но спустя какое-то время она попривыкла, тело поймав ритм стало покачиваться в такт, а разум обрел способность мыслить. Она то перебирала в памяти события последнего дня, пытаясь осознать и принять все то что с ней случилось, то заглядывалась на своего странного попутчика. Было в не. Что-то очень не обычное, даже пугающее и чарующее одновременно, он явно был не из простых смертных. Девушка наблюдала за Эриком, Она любовалась силой и грацией мужчины. Потом строила план побега, потом снова память возвращала её в ту ночь, когда этот странный северянин разбудил в ней чувства. Так повторя-

лось пока Сон не сомкнул глаза девушки и она чуть не упала с лошади. Эрик среагировал во время, ловя девушку в свои крепкие объятия.

— Ты устала, прости я не подумал. Давай разобьем привал. Ты ж с утра наверное ничего и не ела, а я таскаю тебя по полям.

— Не подумала, схватила твои подарки и бежать. Все как ты велел.

— Прости старого дурака.— буркнул Эрик пряча глаза от взгляда девушки.

Манива помогла лекарю расстелить на траве под зарослями сирени одеяло с эмблемой рыцарей Уилгрода, а Эрик снял с лошади котомку. На счастье путешественников в ней оказалась краюха свежего хлеба, кольцо сыровяленой колбасы, кусок сыра и несколько яиц.

Эрик выложил содержимое **прямо** на **одеяло** и потер руки.

— Да тут у нас на целый пир хватит, одно плохо. С питьем беда. Придется в сухомятку. Эрик разломал хлеб и колбасу пополам, потом покромсал ломтями сыр. Запах хлеба и колбасы заставил желудок Манивы заурчать, словно котенок.

Но едва она успела откусить кусок, как недалеко в полесье зазвучал боевой рожок, одновременно издали боевой клич несколько мужских голосов, залаяли собаки, взвыл волк. Лошадь рыцаря Арнаура встала на дыбы и умчалась прочь. Эрик схватил одеяло за углы и утащил поглубже в кусты,

Манива бросилась следом. Едва Эрик укрыл девушку своим темно зеленым плащом на поляну вылетел огромный черный волк с серебристым загривком, у него из плеча торчала стрела. Стая собак мчала следом. Зверь на мгновение остановился и повернул голову в сторону притаившихся людей, втягивая воздух ноздрями.

— Учуял, вот только нас или колбасу, это вопрос.— прошептал лекарь вытаскивая кинжал. Маниву очень удивил ответ северянина и она не удержалась .

— А что есть разница?

Эрик кивнул не отрывая взгляда от заперших в ожидании противников.

— Если только колбасу, то решит что это засада, ловушка или капкан и будет держаться подальше, а если нас…

— Что может сделать волк против такой стаи? Даже такой огромный?

Эрик лишь усмехнулся.

Мгновение спустя**, с**обаки бросились в атаку, рассчитывая на свое численное преимущество, но Волчара словно только этого и ждал. Пасть клацнула несколько раз и пара самых отчаянных псов упали на грунт. Остальные замерли в нерешительности. Вдруг Волк поднялся на задние лапы и сам бросился в атаку на стаю.

Манива достаточно громко охнула, это заставила вервольфа повернуть голову в их сторону.

Псы ответили разом. Вой визги рык слились в дикую ка-

кофонию.

Собакам удалось свалить зверя, одна даже почти сомкнула челюсти на его шее. Почти. Волк дрался и как зверь и как человек. Это давало ему неоспоримое преимущество. Скинув огромного волкодава с себя оборотень одним движением рук, лап сломал псу шею,а потом пинками раскидал еще двух.

Эрик повернулся к девушке шепча почти в самое ухо.

— Это оборотень, или Гвендаль. Если он кинется на нас, обещай тут же рвануть к реке, ты же говорила что хорошо плаваешь.

Манива кивнула.

— Значится, ныряй в воду и плыви на ту сторону, не оглядываясь и не останавливаясь. Что бы не случилось. Оборотни бояться воды, поняла?

Манива ещё раз кивнула, хоть сердце упало в пятки, на самом деле она едва могла держаться на воде, но сообщать об этом мужчине было страшно.

— А ты?

— Война план покажет. Не знаю как поведет себя коготь, я с двуликими ещё не сражался.

Девушка затаила дыхание, боясь даже легким шумом вновь привлечь внимание хищника, она чувствовала, как напрягся лекарь, сжимая кинжал. И от этого стало вдруг тепло и спокойно. Ей захотелось прижаться к мужчине всем телом. Не так как тогда на постоялом дворе, нет. Манива сердцем

почувствовала что Этот северянин будет драться за нее с кем угодно, и ради него она броситься в воду и будет плыть, только потому, что пообещала. Решительность наполнила сердечко девушки отвагой и смелостью.

Расправившись с собаками, Волк поднялся на задних лапах и ещё раз глянул на куст, где прятались Эрик и Манива.

— Как закричу беги. — голос северянина стал снова властным и не терпящим возражений.

Волк оскалился и прижал уши. Эрик поднялся во весь рост.

— Серый ты не шути, я тебе не враг, но своего просто так не отдам!!!— Выкрикнул Норман поднимая вверх руку с кинжалом.

Странная сталь казалась словно сплетенной из мириад тонюсеньких нитей проволок и отливала синевой.

Волк пригнулся для броска, рассчитывая момент для атаки и время которое ему Пола добиться что бы преодолеть дистанцию,

но охотничий рожок прозвучал совсем рядом. Зверь взвыл, словно издавая боевой клич, опустился на четвереньки и бросился прочь.

Эрик скрылся за кустами.

Спустя несколько мгновений из леса вылетела кавалерия, дружина, копий двадцать, а то и все три десятка, и устремилась за зверем.

Как только стук копыт стих, а пыль поднятая охотника-

ми улеглась Эрик развернул одеяло и откусил кусок колбасы, словно ни чего не случилось.

Манива последовала его примеру.

Он пережитого её трясло словно в лихорадке, хотелось и плакать и смеяться одновременно. Что бы справится с бурей эмоций она впилась зубами в колбасу.

— А ты не из робких, это здорово, но в следующий раз делай как я сказал.— буркнул лекарь стряхивая с бороды хлебные крошки.— сказал же : «закричу беги.»

Маниве стало стыдно.

— Я плавать не умею, так слегка, едва на воде держусь. Она снова откусила колбасы что б не сболтнуть ещё чего нибудь лишнего.

Колбаса была очень не обычного, но очень приятного вкуса и Манива откусила большущий кусок и принялась жевать, наслаждаясь моментом.

— Вкусно?

— Осень. Што это за еда? Никогда не пропивала такой вкуснотищи.— пробормотала Девушка с набитым ртом. Необычное чувство наполнило ее сердце. Радость жизни, счастье выжившего и достоинство честного все это волной нахлынуло на девушку.

— Я научу тебя готовить такую, там не сложно.— улыбнулся Эрик.— Ты как? Не сильно испугалась?

— С топой не стлашно.

— Прожуй сначала, не торопись время есть. И вообще с

полным ртом разговаривать опасно, подавиться можно. Коня жалко, теперь пешком придется.

Манива прожевала и прежде чем откусить ещё раз ответила.

— Ничего, в Уигороде купим. Ты ж говорил он не далеко.

— Не получится, во первых пропуск испортили, а во вторых пока король не вернется с охоты, в город никого не пустят.

— Ты знал что в Уингрод нам не попасть поэтому расстелил пергамент пропуска? Но как? Кто ты вообще такой?

— сейчас это не важно. Но оставаться тут нам все равно нельзя, надо идти дальше.

—Куда?

— главное подальше от сюда, если я помню правильно, часа через два эти поляны обогрятся кровью.

— Как можно помнить то что ещё не случилось? — Манива злилась, ей не нравилось то что лекарь не рассказывал ей все что знает.

— Я читал пророчества.

— Ты точно колдун, — Манива схватила с одеяла соль и бросила ею в лицо Эрика.

Тот матюкнулся, Манива закрыла лицо руками, привычка выработанная годами работы в доме терпимости, но удара котором обычно ставят на место портовых шлюх не последовало. Она убрала руки и приоткрыла глаза.

Северянин седел на против нее и улыбался так же как то-

гда в каморке. От этого внутри девушки сново стало разгораться странное чувство, словно рой бабочек разом впорхнули крыльями в её животе.

— Знаешь, я иногда жалею что это не так.— произнёс Эрик и принялся отряхиваться, стараясь собрать рассыпанные кристаллики в кучу на своей огромной ладони.

Девушку это зрелище умилило, и она перестала бояться.

— Прости…

— В этих краях соль дороже золота…— бурчал северянин.— придется обойти Эридан, хотя через него было бы ближе всего.

— Так куда мы дальше?

— Теперь только в Оштош, не могу же я явить тебя Асмодею в таком виде. Надо подобрать соответствующий наряд, а в ближайших мирах достойный рынок только в Оштоше. Можно было бы, конечно, и к магмарам, но там сейчас гон у минотавров, да и еда совсем не соленая, так что Оштош самое подходящее.

Девушка больше не решилась задавать вопросы, ответы на которые вызывали ещё больше вопросов. Одно было ясно. Они пойдут на рынок или ярмарку.

Глава пятая. Оштош

Солнце прошло зенит, день перевалил за полдень, точнее сказать было трудно, солнышко уже бежало домой, вниз за

край горизонта. Купол небосвода в этих краях был намного голубее привычного её глазу. Легкий ветерок гнал стай белоснежных облаков. Река ярко-синей блестящей лентой убегала в горизонт и терялась вдали среди раскинувшихся полей в обрамлении небольших рощ. Маниве казалось что она покинула бордель уже целую вечность тому назад, и примерно столько же они топают пешком, но солнце говорило об обратном. Манива никогда не считала себя слабой, она всю жизнь ходила пешком, но сейчас она чувствовала себя уставшей и разбитой.

— Нам ещё долго? — просипела Манива.

Эрик обернулся.

— Если хочешь, можем устроить привал. У нас ещё осталось немного сыра, кровяной колбасы. Не густо, конечно, но червячка заморить хватит. Охотиться не вариант. Леса, конечно, полны дичи, но это королевская земля, а проблемы с гвардией Трумвеля нам точно сейчас не по карману. Да и разделка туши — считай часа два. Костер. Готовка. Полдня потеряем. К тому времени мы уже доберемся до Оштоша.

— А быстрее никак? Может, где в деревне есть лошадь с повозкой. Ты же дал мне денег. Их должно хватить. — девушка протянула кошель Эрику.

— Сельские кобылы не вынесут этого путешествия, я даж не уверен справился бы с ним тот скакун, крути не крути, а все что не делается — всё к лучшему. — улыбнулся северянин.

— Как лошадь может не вынести дороги?— удивилась Манива, в очередной раз думая что с головой всё таки у Эрика не все в порядке.

— Ты думаешь, это всё ещё Бельгест? — Мужчина указал на реку.

— Конечно. — удивилась девушка, но в её душе закопошилось дурное предчувствие.

— Это уже Турбэн, а там — он махнул рукой в сторону чащи, — Крумбель. А вот там, — лекарь повел рукой на восток, — среди Полей Башня Хранителей.

Девушка проследила взглядом за рукой северянина, и к её удивлению вдали маячили очертания строений и шпиль башни.

— Откуда ты это знаешь? Как мы сюда попали? Ведь река всегда была в видимости, что вообще происходит?

— Вспомни, какой лес был у берегов Бельгеста? — улыбнулся лекарь.

— Как и в Саксонии, дубы. — Не задумываясь, ответила девушка.

— Правильно, а тут? — Эрик снова загадочно ухмыльнулся. А Манива чуть не ахнула, вглядываясь в даль. За рекой стоял сосновый лес. Огромные деревья тянулись к облакам, оспаривая друг у друга место под солнцем.

— Этого не может быть. — Она снова с опаской посмотрела на Эрика. — Куда ты завел меня, и главное зачем?

Лекарь сел на огромный валун у торгового тракта. Сама

дорога была вымощена булыжником и галькой.

— Дорога, во всех мирах — дорога, как и реки, как и леса. Твой разум не примет резкой перемены. Ты и даже я, не можем, закрыв глаза в лесу, шагнуть сразу в джунгли или пустыню.

— Что такое джунгли и пустыня? — наивный взгляд девушки растревожил давно молчащие струны в душе северянина.

— Не важно, главное что мы не можем шагнуть сразу высоко в горы или в пески. Этого не примет наше сознание. Поэтому путешествие всегда занимает время. Ты помнишь, что ты чувствовала, когда бежала из портового города?

— Кхмм. — девушка потерла лоб, пытаясь вспомнить впечатления. — Мне хотелось простора и свободы. Хотелось больше никогда не видеть этой убогой серой стены, не чуять этот вечный рыбный смрад, свинячье дерьмо, и перегар.— при упоминании последнего девушку передернуло.

— Ты заменила город и стены на леса Уингрода. Так ты и попала в другую реальность, а я поменял леса, обрамляющие реку, и мы уже здесь. Потом я бы поменял горизонт, дорисовал горы, сменил сосны на чинары и акацию, и вуаля — это уже не стена Карногода, а бастионы Оштоша. Я не знаю, как ещё объяснить… — Мужчина отрезал внушительный шмат колбасы и, положив его на кусок хлеба, протянул девушке. Та взяла, а северянин принялся нарезать сыр на тоненькие ломтики.

— Я научился этому в Эмбере. Один из его принцев раскрыл мне секрет. С тех пор я так и гуляю, от мира к миру. Даже мне менять сразу многое очень тяжело. Хотя… Если ты сможешь представить белое пылающее солнце, раскаленное марево над каменным трактом. Вспомнить, как душно в бане. Остальное я доделаю сам, и возможно, в Оштош мы попадем намного раньше.

Девушка беззвучно рассмеялась. — Ты хочешь сказать, если я все это представлю в своей голове, то мы…

— Ты правильно поняла. Закрой глаза и попробуй.

Девушка повиновалась. Она вспомнила жар бани по четвергам, когда её с остальными девушками заставляли ублажать местного градоначальника. С маревом было проще — оно снилось ей длинными холодными северными ночами. Ей снился зной и белое беспощадное солнце. Она не помнила свою жизнь до момента крушения судна. Но эти сны сопровождали её всегда. Манива что есть силы зажмурилась, представляя картинку из сна: марево над трактом… белое злое и жгучее солнце, а когда она открыла глаза, ей в лицо ударил горячий порыв самума. Ветра с песком. Река всё так же несла свои воды вдаль, но сосны сменились тополями и чинарами. Трава под ногами пожухла и увяла. А расставленные долгим летним знойным днем камни заставляли воздух словно дребезжать над особо крупными булыжниками. Взгляд вернулся к Эрику и заскользил дальше вдоль реки, у излучины которой сейчас вырос город из белоснежного камня.

Манива подняла руку, указывая на причал, задавая немой вопрос. Северянин ответил, словно произошедшее было чем-то само собой разумеющееся.

— Это Оштош. Город семи торговых путей. Нам туда.

Глава шестая. Обновки

Лавки Оштоша ломились от товаров. Чего тут только не было, начиная с диковинных фруктов, словно собранных в садах Эдема, до тончайшей работы произведений мастеровых.

Девушка с восторгом смотрела и пробовала предлагаемые фрукты и сладости, под неустанный бубнеж лекаря.

Вот щас кусков нахватаешься, ужинать не сможешь, а где я в дороге тебе завтрак найду. Пойдем.

Северянин буквально то за локоть то за шкирку оттаскивал девушку от гор хурмы и персиков, яблок и груш.

Понюхай как он пахнет, трепетала от радости девушка рассматривая инжир. А эти ягоды?

— Попробуй, уважаемая. За пробу денег не прошу, не клубника а половина сахар половина мед.

Понравиться скидку сделаю. — увещивал очередной продавец, но суровый взгляд голубых глаз остановил его словесный поток.

Базар пестрел разнообразием товаров. Разноголосье зазывал сливалось в причудливую мелодию.

Сам рынок был разделен на несколько частей: в начале, под открытом небом, прямо с телег и повозок торговали дехкане; дальше, под сколоченными в ряды прилавками, торговали приезжие купцы и торговцы из дальних земель; а ещё дальше, где базар упирался в улицу мастеровых и ремесленников, торговали местные мастера, прямо с окон своих мастерских или жилищ.

Эрик уверенным шагом шел сквозь галдящую толпу, держа курс на улицу мастеров; хрупкая синеглазая девушка с серебряными волосами едва поспевала за ним.

Но когда её взгляд упал на диковинные плоды, покрытые коричневой чешуей с ярко-желтой сердцевиной, источающие божественный аромат, Манива едва не потеряла северянина из виду. Благо Эрик вовремя оглянулся и вернулся к прилавку.

— Это ананас, плод с берегов Африкании. — прошептал викинг, снова беря девушку под локоть. — Пища богов, когда спелый. Пойдем, разберемся с одеждой и поужинаем. К вечеру народ схлынет, и торговцы будут намного сговорчивее, и цены поприятнее.

Манива оторвала взгляд от диковинки и посмотрела на Эрика.

— Эти плоды достаточно дорогие, обещаю, ты отведаешь такой сегодня, но переплачивать нет смысла. Приезжие торговцы торгуют круглосуточно. А вот швеи и мастеровые закроются к закату.

Девушка кивнула и отошла от прилавка.

Они шли мимо ковров, дынь и арбузов. Манива с интересом рассматривала и глиняные горшки, и чеканные лампы. Когда Эрик и Манива добрались до мясных рядов мясных рядов, с торговцами лениво отгоняющими ос от развешанного на крюках мяса. девушка встала как в копанная, с широко раскрытыми глазами.

— Ты чего? Кошель украли?— начал Норман, девушка качнула головой.

— Что случилось то?— Эрик не на шутку встревожился.

— У меня такое впечатление что я уже была тут. Или в месте очень похожем на это.

Эрик вздохнул с облегчением.

— Восточный базар вещь незабываемая. Только наши воспоминания не всегда о прошлом, иногда они из будущего. Как по твоему пишутся все эти пророчества и предсказания?

— Я не знаю, а что такое писать?

— Пойдем, расскажу по дороге.

Эрик взял девушку за руку и потащил в глубь торговых рядов.

А когда на прилавках появилось оружие и доспехи, толчея и столпотворение практически исчезли.

—Ну вот тут и поговорить можно. Не рискуя сорвать голосовые связки. Ты серьезно не умеешь читать?

— Я даж не знаю что это такое, но если ты покажешь как это я быстро научусь. Мне один араб показал позу наездни-

цы, я практически сразу все сделала правильно.— глаза девушки горели жаждой понравиться Эрику.

Северянин почесал затылок.

— дальше на юг, где круглый год лето есть страна, где люди придумали специальные знаки, что бы записывать звуки. Буквы.

Манива смотрела на него непонимающими глазами.

Ну как руны только для людей. Обычных людей, не колдунов, ни магов , ни волшебников. Так вот, эти знаки можно складывать друг с другом и получатся слова. И эти слова можно записать, а потом заново прочесть.

— А зачем это нужно ведь можно просто сказать?

Эрик погладил бороду.

— ну пусть к примеру мы далеко друг от друга а мне нужно тебе что-то сказать, я это напишу и привяжу к почтовой птице. Она прилетит к тебе, и ты услышишь мои слова, за сотни тысячи лиг.

Но как это связано с тем что я помню эти места? Вот например если тут телятина, — женщина указала на прилавок мясника, а потом подняла руку и показала в сторону сгрудившихся шатров— то там за углом должна быть охотничья лавка, с дичью.

— Наша память вещь удивительная.

— Я не могу помнить то чего не видела.

— Вещи принадлежащие к одному миру синхронизируются.

— Что такое синхра, синзиру...

— этот как в песне, попадают в такт, звучат одинаково, дополняют друг друга , как музыка.

— Не уверена что поняла, но это как подпевать незнакомую, но понравившуюся песню?

Эрик кивнул.

— А причем тут воспоминания?

— Ты принадлежишь своему миру, как и восточный базар тоже часть его. Считай что это куплет который ты узнала по наитию.

— Какой же ты странный Эрик. Кто ты все таки на самом деле?

— Главное что я тебе не враг, пойдем нам лучше поторопиться.

— Как я могу доверять тебе, если ты не доверяешь мне? — Манива надула губы.

— Я расскажу вечером. Это долгая история.

— Хотя бы в двух словах. Я не сдвинусь с места пока не узнаю.

Северянин задумался на мгновение, а потом до слуха девушки долетели стихи:

Он —Тень теперь
Тень без души.
Все Пятеро богов мертвы
Их больше нет
И Магия ушла

Лишь Её след
Со взрывом разлетелся по мирам.
Отмечены избранники осколком.
В ночи блуждать
И свет искать.
Незримо В вечности
ему гулять.
Теперь он
Бродит по мирам.
В надежде отыскать
Иного.
В ком Магии святой огонь,
Ещё пылает угольком.

— Теперь пошли, самые именитые мастерские закроются в обед. Времени в обрез.

Северянин резко развернулся и зашагал по лабиринту прилавков.

Минут через десять они вышли к торговым рядам мастеров. Здесь уже не было уличных торговцев и зазывал, оглушающих прохожих своими кричалками. Гул рынка практически стих. Улица опустела. Только дома самих ремесленников и их товары. То тут, то там маячили стражи в полном боевом облачении с огромными кованными щитами и длинными копьями. Несколько благородных жителей города чинно бродили меж настеж открытых окон, за которыми мастеровые разложили свои шедевры. Лекарь остановился у окошка

с тканями. И жестом пригласил Маниву оглядеть товар.

Чего тут только не было. И парча, расшитая золотом, и тончайший шелк, была даже парусина. Толстая и прочная как доспех. Девушка не сразу поняла, чего от нее хочет северянин, но когда он указал на тюк с тончайшей, почти прозрачной тканью, она обомлела. Казалось, что материал ткали сами богини. Арабески сплетенных в странные узоры неведомых рун блестели на солнце, сплетаясь в неведомой красоты цветы. Из хибары вышла темноволосая девушка с множеством тонких косичек. И с проворством кошки размотала ткань. Чарующий узор странных нитей переливаясь блестел на солнце. Но в тени ткань казалась абсолютно прозрачной.

— Это Арнодорский шелк. Такой ткани вы нигде больше не найдете. — заговорил седобородый хозяин магазина. — Нежная, словно вторая кожа… легкая, как паутина, — девочка с косичками вложила ткань в руки Манивы. Торговец не соврал. Ткань практически ничего не весила, но при этом касаться её было безумно приятно.

— Материя прочная, как чешуя дракона, — продолжил прядильщик, а девочка ткнула в ткань ножницами.

Манива не знала, что ей делать, но глаза женщины, привыкшей к рубищу, горели жаждой обладания.

Эрик смотрел на Маниву, словно ожидая чего-то, храня на лице маску безразличия. Эрик смотрел на Маниву, словно ожидая чего то, храня на лице маску безразличия.

— Нити для узора сделаны из адаманта. Чародеи Гараэра

прядут их из лунных камней. Смотрите, как он блестит на солнце словно серебро волос вашей спутницы, из этой ткани можно шить хоть доспех, хоть ночную рубашку, достойную принцессы Агробы. Сорочку из этой ткани носит Верховная жрица Безликой. Первая красавица Султаната.

Манива прижалась к материалу щекой. И чуть не расплакалась. Прикосновение было таким нежным как поцелуй матери.

— Эээ. Испачкаешь придется купить.— надменно выкрикнул седобородый купец.

Манива хотела положить отрез на место, но голос северянина заставил её снова прижаться к ткани лицом.

— Смотрите внимательнее, госпожа. Вам это носить. Вы должны сразить сердце властелина Нускама. — Северянин повернулся к торговцу. — Судишь о покупателях по внешнему виду а не по весу их кошеля? Очень опрометчиво для торговца.

С этими словами он звякнул монетами в большой и увесистой мошне.

Слух торгаша узнал звон золота. Но кошель уже вернулся в заплечный мешок Лекаря, стирая улыбку с лица старика.

— Сколько? — голос Эрика был холодным и безразличным.

— Только для вас уважаемый отдам тюк за триста динаров.— заговорчески произнёс торгаш.

— За эти деньги, старик, можно купить боевую галеру. Ты

с нулями не ошибся?

— Посмотрите на качество. Тут одного адаманта на две сотни плюс работа.

— Дам сотню. — Ответил Эрик после не большой паузы.

— Вы верно смеетесь над бедным стариком. — торговец сделал обиженное лицо.— двести девяносто, ниже не могу . Сам купил за двести восемьдесят. Чистейший адамант. У меня приличная лавка. Сама Верховная…

— Адамант черный, **мифрил** отливает серебром. Тебя обманули , или же ты намеренно пытаешься обмануть меня!

— Я не сильно силён в металлах милейший я не кузнец мог ошибиться. Но ткань на самом деле прочна. Её не пробить даже вашим кинжалом.— старик не хотел уступать.

— если ткань ничем не пробить, как же ты её резал и сшивал сорочку для жрицы? Пойдем Манива тут ещё есть лавки с тканями, может там торговцы почестнее!!!— Последние слова Эрик почти выкрикнул, чем привлек внимание стражника.

— Хорошо, почтенейший, только для вас я уступлю материю за двести восемьдесят.

— Сто пятьдесят.

— Вы меня разорите. У меня семья. Дочке вон приданое собрать надо. Старший — жениться собрался, на калым монет собрать. Жена больная.

Манива полезла в свою суму, но рука викинга остановила её.

— Я дам сто восемьдесят. И если ткань выдержит удар моего кинжала.— не унимался Эрик, обнажив оружие. Страж на углу улицы опустил забрало и уже шагал в их сторону.

— Давайте так : если ткань выдержит вы дадите мне двести пятьдесят. Ну а нет заберете тюк даром.

Едва прозвучали последние слова торговца кинжал лекаря с легкостью отсек кусочек ткани и вернулся в плен ножен. Торговец потерял дар речи. Он схватился за голову, не переставая бубнить — меня обманули..,— слезы отчаяния выступили на глазах старика.— Я вложил последнее в этот материал. Я разорен.

Викинг с победоносной улыбкой забрал тюк из рук черноволосой помощницы торговца.

— Жадность губительна. Дожил до седых волос, а простой истины не уразумел. Надо было брать сколько давали.

Старик держась за сердце опустился на скамью у входа.

— Дам триста если к вечеру сошьешь для моей спутницы платье из этой ткани.— ухмыльнулся Эрик, обращаясь к черноволосой девочке.

Старик не поверил услышанному. Дочка посмотрела на отца. Тот не веря случившемуся,чуть не бросился на колени перед странным лекарем и его спутницей.

— Она сошьет, о великий. Сошьет. Какой фасон желает господин?

Эрик кивнул Маниве.

— Да я к платьям не привыкла. Мне что нибудь по проще

бы. Что-то типа сорочки, накидки. — лицо девушки сияло от счастья.

Кошель с деньгами шлепнулся на прилавок.

— Сделай ей накидку, что-то вроде тоги , что носят дворяне на Хмарге, чтоб и спать удобно, и к султану на прием в солнечный день было не стыдно.

— Пойдем, возьмем что-то более подходящие для путешествий. Тут кожевники за переулком.

Манива нехотя рассталась с тканью и поспешила за Северянином.

* * *

Чайхана встретила гостей чарующим запахом эареного мяса с луком шкворчашими в огромном котле. Огромный тучный мужчина ловко орудовал тесаком, нарезая морковку.

По его кивку к гостям устремилась грудастая женщина лет тридцати пяти и усадив их на странный помост устланный подушками с резным столиком на коротеньких ножках посередине, помчалась на кухню.

Северянин спокойно уселся на подушки помоста и жестом пригласил Маниву присоединиться.

— Не стесняйся. Садись удобнее. Это Оштош. Тут едят сидя, и не спеша. Манива запрыгнула и плюхнулась рядом с детским азартом.

Девушка почти не обращала внимания на косые взгляды

посетителей чайханы , чего нельзя было сказать о Эрике.

— Поедим, заберем платье, купим тебе походную одежду. Заскочим в лавку к ювелиру и можно будет отмыться в банях. Я знаю одно место. У Анана. Шикарные бассейны, горячая вода и благовония. Тебе понравиться— пробурчал викинг мечтательно.

Манива опечалилась, и понуро свесила голову.

— Что случилось, девочка? Почему ты печальна?

Манива не ответила лишь отвела глаза полные слез.

— Не молчи. Что случилось? Куда делось твое настроение?

— Я думала ты особенный, а ты такой же как все мужчины…

— Так, вот сейчас давай по медленнее. Что произошло-то?

— Я думала, ты тот, кто держит слово, а ты сыпешь обещаниями, даже не собираясь их выполнять… я могла и сама его купить. Зачем золото если им нельзя пользоваться?

— Ты про ананас что ли? Да купим мы его. Твое золото особенное. Это монеты Амосии. Они нужны будут тебе купить пропуск во дворец Нускама, покои Асмодея охраняют круглосуточно. В той реальности не особо жалуют путешественников меж мирами. И любая другая монета скорее приведет тебя не домой, а в темницу. Забудь о своих деньгах до того как **ты не** прибуде**шь** в Ангрен.

— Ты хочешь продать меня ему?

Эрик расхохотался.

— Я совсем не понимаю тебя. Ты называешь портовую шлюху властительницей несуществующей страны, потом торгуешься с портным, а когда мог забрать товар бесплатно, платишь полную сумму? Ты смертельно опасен, но при этом мне почему-то очень спокойно с тобой. Что ты за существо такое?

Женщина в белом фартуке принесла большое блюдо с ароматной самсой, **соблазняющей** аппетит своими румяными боками и слоеным тестом. На столе появился чайник, пара странных чашек и ваза со сладостями.

Эрик сказал что-то на не понятном Маниве языке и протянул женщине пару монет. Та закивала в ответ и тут же удалилась со двора чайханы.

— Ну во первых. Это не Арнодорский шелк. Это ферровая ткань. Ты кушай **самсы.**

— Самсы…— повторила девушка словно на вкус смакую каждую букву. Что-то очень знакомое было в этом слове, настолько знакомое что во рту появилась слюна.

— **П**ирожки . В них бараний жир. Застынет будет несъедобно.— Эрик за раз откусил половину самсы и жуя продолжил.

— феровые нити, – редкий материал, что с таким большим трудом добывается только в одном из миров.

Вытягиваемая из громадных минералов неподатливая нить применялась как для создания брони, так и для оружия,

— единственного способного прорезать эту броню, — секреты изготовления которых знают лишь несколько кузнецов, может шесть семь, но точно их меньше десятка. Знания и секрет выделывания нитей передается из поколения в поколение, и только в кругу своих семей.

— Так твой кинжал…— прошептала Манива.

— Да это подарок моего старого друга Гераса. Мастера из деревни Утар. Этот кинжал пробьет любой доспех. Все что угодно, лишь бы хватило длинны самого клинка. Так что ткань стоит много дороже. Учитывае выбитые на ней защитные и усиливающие руны сплетеные в самовостанавливающиеся заклинания. **Поверь мне, эта ткань стоит целого флота. Понимаешь.— Эрика явно понесло. Он сыпал совсем незнакомыми Маниве словами, но она слушала его не подавая вида, просто любовалась этим великовозрастным мужчиной, который сейчас был увлечена словно ребенок.**

— Феровая нить при правильном изготовлении прочнее алмазов, адаманта и мифрила.

— Никогда не слышала о подобном, а вот сказки про миф рил и адамант.— прошептала Манива с аппетитом вгрызаясь острыми белоснежными зубками в бок восточного пирожка.

— Не мудрено, учитывая трудоемкости работы, редкости феровых глыб. На изготовление одного комплекта даже у самого умелого кузнеца может уйти целый год, а то и больше.

— А где научился искусству любви?— хитро улыбнулась

Манива переводя разговор в более знакомое для себя русло.

В этот момент к ним за дастархан подсел молодой юноша в очень странных одеяниях. Манива раньше никогда не видела такого покроя. Легкая белая ткань рубахи была разрисована невиданными растениями, а штаны юноши едва доставали до колен.

— Кого я вижу, Эрик ты ли это?— гость щелкнул пальцами и время вокруг них застыло. Он ухмыльнулся. Когда Эрик лишь удостоил его взглядом. Манива все слышала, и видела, но не могла пошевелить ни единым мускулом. Словно её заперли в собственном теле.

— Что тебе нужно Иблис?

— Да вот принёс твой заказ. Платье.

— Я не просил, мы могли и сами забрать после ужина.

— Только Избранные достойны носить эту ткань. Эрик-бродяга.

— Поэтому твои тайные почитатели торгуют ей на рынке?

— там дело другое, но вернемся к твоей спутнице. Дух смерти уже успел рассказать половине Богемы как ты обещал разнести его фабулу.— мужчина в странной одежде оценивающе глядел на Маниву.

— Печать дракона идеально бы смотрелась на фоне такой красивой груди. Не находишь?

— Не нахожу.

— А зря, богам перечить себе дороже.

— Ты угрожаешь? — рыкнул Северянин.

— Отдай деву. Её история возможно никогда и не родиться. А тут она почти дома. Чем я хуже?

Гость преобразился открывая Эрику свою истинную дьявольскую сущность. В воздухе завоняло серой.

— Люди должны… — продолжал рогатый.

— Никто ничего никому не должен. — Проревел Эрик и стукнул кулаком по столу.

Манива моргнула. Гость это явно заметил.

Он вскочил на ноги.

— Так или иначе, она станет моей, а Ты ещё пожалеешь, что не согласился.

Демон взмахнул перепончатыми крыльями и растворился в пространстве.

Заклятие спало и время вернулось на круги своя.

— Что это было? — спросила Манива обретя возможность говорить.

— Не важно , надо спешить. Боги напрасных обещаний не дают.

* * *

Северянин закрыл дверь в хижину. **Потом начертил странные знаки на косяке, и створках окна, зеленоватым мелом.**

Комната в постоялом дворе караван-сарая была довольно просторная хоть и не отличалась роскошью мебели и доро-

говизной отделки. Но на кроватях лежали перьевые матрасы. Для Манивы ничего не помнящей кроме соломы эта постель показалась королевской.

— Подумать только, настоящая перина. — Девушка вскочила на ноги и снова плюхнулась на матрас, её смех, тихий как журчание первого робкого талого ручейка наполнил комнату.

— Ты в порядке? — спросил викинг.

— Принцесса на горошине. Я столько раз слышала эту сказку, и сколько себя помню мечтала хоть разочек присесть на настоящую перину. Это так здорово… Спасибо тебе, и за ананас тоже спасибо. Это правда словно волшебство какое-то.

— « Волшебство» … — Северянин закатил глаза. — и это говорит девушка самостоятельно пересекшая грань реальности. Если бы не гребень. Я бы тебя так и искал в лесах Саксонии.

— Кстати о гребне, почему ты отдал его мне, там в портовом борделе?

— Это тв**ой гребень**. Материя из одной реальности магнитом тянется к материи из той же реальности. Т**очно так же** я нашел отрез с тканью для твоего платья.

При этих словах девушка поднялась с кровати и обернулась вокруг себя ещё раз демонстрируя наряд. Свет лучины был очень слаб и ткань стала почти прозрачной, не скрывая прелести девушки. Её синие глаза горели неподдельны-

ми огоньками счастья.

— А если я не та которую ты ищешь? Что если я просто путана из как его Амбросии?

— Амосии.— поправил Эрик. — кстати самое простое перемещение меж мирами это двери или зеркала.

— Любые двери, даже двери шкафа?— спросила Манива усаживаясь на кровать. **Свет свечи озарил тело , оттеняя соски девушки сквозь ставшее прозрачным одеяние.**

— Зря ты отказалась от дорожного костюма. В этом платье в свете лучины ты словно нагая, — пробормотал викинг, сбившись с мысли.

— Я тебе нравлюсь? — в шепоте девушки звенело кокетство. Она увидела ответ на свой вопрос в румянце, покрывшем лицо казалось бесчувственного и свирепого нормана. — Я портовая проститутка. Я пару часов в прошлой жизни была одета.

Викинг сжал челюсти. **Он помнил ту ночь, и жаждал её повторения. Манива ликовала. Не только её мучала жажда и влечение к этому могучему и очень странному северянину, да и северянину ли вообще? Девушка решила что это сейчас совсем не важно. Она желанна. Мечты сбываются. Счастье озорным огоньком мелькнуло в глазах девушки, и она решила выразить интерес к словам мужчины.**

— Прости. Так что там про двери?

— Двери. Через них проще всего. Иди сюда. Проверь ещё

раз сумку, все на месте? Гребень, монеты?

Манива кивнула.

Эрик вытащил из-за пояса кинжал с ножнами и протянул девушке.

— Черный Палладин придет в Амосию. Научись владеть им. Судьба всего мира будет в твоих руках.

Манива приняла подарок и тут же обнажила клинок и уперла его острие в грудь северянина.

— Нельзя доверять столь опасное оружие незнакомой женщине, — прошептала она.

Но викинг лишь улыбнулся.

— Убивает не оружие, убивает тот, кто его держит, Манива. И однажды тебе придется драться с богами и не только за свою жизнь. Убери кинжал, поранишься ещё ненароком.

Лезвие вернулось в плен ножен.

— Ты смерти совсем не боишься?

— Ну как сказать, — мужчина погладил бороду, — давай скажем я боюсь зря прожитой жизни.

Эрик продолжил копаться в своей **сумке.**

— Да где же они? А ладно, потом найду… И так, вернемся к дверям. За любой дверью, а тем более за зеркальной, можно вообразить сразу то место, куда желаешь переместиться. С зеркалом проще, потому что ты всегда и во всех мирах будешь выглядеть одинаково. И не нужно вспоминать особенности именно тех дверей, в которые ты пройдешь сквозь пелену, лишь то, что за самой дверью. Дай мне руку, я по-

пробую сразу шагнуть в Башню. Манива повиновалась. Эрик закрыл глаза и, толкнув дверь шкафа, попытался войти в него. Но портал не открылся. Эрик серьезно стукнулся лбом о внутреннюю стенку шкафа и упал на пол. А с рассеченной брови уже капала густая темно-красная кровь. Приложив платок, Эрик повторил то же самое ещё несколько раз, безрезультатно.

Девушка поднялась с перины и шагнула к викингу.

— Я уже слишком взрослая для того, чтобы верить в чудеса. Ты старался. И я очень благодарна тебе за всё. И за платье, и за диковинный фрукт со странным именем. И за красивую историю со странствием меж миров. Ты спас меня от чудовища и не дал тем воинам надо мной надругаться. Но я правда не верю в чудеса.

— А то, что мы очутились в этом городе, тебя не смутило? И та тварь, что напала на тебя?

— Моряки рассказывали мне и про такие города, и про страшных водных монстров. Я никогда раньше не выходила за крепостную стену портового городишки. Я, конечно, думала, что Оштош дальше, как-то ко мне заходил даже иноземец смуглый, как кора дуба. Говорил, он родом из такого. Просто, может, до него по морю добираться дольше? Я просто хочу сказать, что ты не обязан, я и так сделаю для тебя все о чем бы ты не попросил.

Девушка потянулась к губам Эрика. Но тот лишь прижал её к груди.

— Я не хочу что б это было из-за чувства благодарности.

— Какой же ты все таки странный. Ты разбудил во мне женщину… Я хочу тебя…

Шепот Манивы прервал глухой удар и слетевшая с петель входная дверь.

Глава седьмая. Незваные гости

В комнату вломились трое мужчин в очень странных одеждах. Они почему-то напомнили Маниве жуков. С черной спиной и белым брюшком.

Эрик сразу закрыл девушку своей спиной.

— Убирайтесь, или пожалеете. — практически прорычал викинг.

— Клятый ковен. Какая удача. Доносчик был прав. — Тот, что был пониже ростом, в странной шляпе, напоминающей кухонный котелок, вытащил из-за пазухи странную металлическую трубку на резной деревянной рукояти и направил её на Эрика.

Сердце девушки бешено застучало в предчувствии непоправимого.

Эрик никак не среагировал.

— Я инспектор Виннегат. Именем Ковена Инквизиции Святого Маяка, вы арестованы. Вы обвиняетесь в применении меж пространственной магии колдовстве, и совращении. Ты и эта мавка пойдете с нами.

— Сейчас ты и твои шавки возьмете ноги в руки и свалите отсюда по-хорошему.

— А ты туповат, хотя чего ждать от дикого варвара? Что эта ведьма пообещала тебе, что ты готов рискнуть жизнью и вступить в бой против троих инквизиторов?

— Так…, теперь ясно что с дверями,— Эрик снова загородил Маниву вставая между ней и гостями.

При упоминании святой инквизиции Маниву сковал дикий ужас. Из её горла вырвался стон отчаяния. Она помнила, как корчились девушки в пламени их костров. Рука нащупала подарок северянина.

«Лучше самой лишить себя рая, совершив самоубийство, чем пройти через пытки палачей инквизиции. В народе говорили, что даже в аду они не такие изощренные.»

— Это серебряные пули, варвар. От них не спасут ни чары, ни магия, — продолжал тот, что назвался Виннегатом. — Но нет так нет, Ему нужна только женщина.

Мужчина в черном перевел трубку в сторону Эрика, и прозвучал оглушительный хлопок, а комнату заволокло дымом.

Эрик сжался словно пружина затем размашистым ударом опрокинул Виннегата на доски пола. Его товарищи тут же выхватили свои трубки. Прозвучало ещё два хлопка. А дым стал непроницаемым. Что-то невидимое просвистело у лица Манивы и впилось в стену, оставив за собой ровное круглое отверстие. Девушка обнажила кинжал и выставила его перед

собой, держа трясущимися руками.

«Эрик там совсем один против всех этих ублюдков, если он падет, ее —Маниву растерзают в казематах инквизиции.» — она стиснула зубы.

— Псы Иблиса, — прорычал Эрик когда один из поверженных встал поправляя свернутую на бок голову и снова бросился на Северянина.

Виннигат лишь расхохотался.

— Манива, окно!!! Беги!!!

Крик Эрика словно разбудил в Маниве что-то древнее. Его бесстрашие перед бессмертными посланниками бога и самопожертвование вернуло Маниве силу.

Вдруг страх исчез. Через клинок в нее словно вливались уверенность, смелость и отвага. Она четко слышала дыхание сражающихся мужчин.

Чувствовала биение их сердец даже сквозь пелену дыма.

Манива бросилась в драку. Кинжал распорол бок одному из инквизиторов, и нашел сердце другого.

Рядом треснули доски табурета, проламывая голову самому Виннегату, тот снова упал, но регенерация уже начала затягивать его повреждения.

Шум рукопашной потасовки стих, уступая место завершился стонам и грохоту падающих тел, превратившись в мольбы о помощи, и хрипом умирающего. В дыму мелькнула огромная тень викинга.

— Бессмертие не защищает от боли, не так ли Виннегат?

Словно поняв что задумал северянин инквизитор заголосил:

— Что ты удумал? Пощади. Я узнал тебя. Мы же похожи.

— То, что ты не бреешь бороду и куришь трубку, не делает нас похожими. Кто вас послал?

— Мавки исчадия ада. Тебе не спрятать ее от Иблиса, она принадлежит…

— Она не вещь.

Манива смотрела на своего попутчика и не узнавала его. Сейчас перед ней был жестокий и беспощадный убийца, монстр страшнее слуг Иблиса.

Раздался ещё один хлопок, — и раненый приспешник замер.

— Серебрянные пули… Они ведь действуют и на вас. — улыбнулся Эрик и речь инквизитора слилась в один нечленораздельный крик.

Дым снова заволок комнату.

Манива вздрогнула, её нутро бунтовало против жестокого преднамеренного убийства безоружных людей, пусть и врагов.

— Не надо… остановись.

Она бросилась к Эрику, её рука описала окровавленным лезвием кинжала дугу. Капля слетела с кончика острия, и в воздухе запахло грозой, а на месте, где кинжал распорол воздух, сияло свечение.

Северянин отбросил оружие и подошел к девушке.

— Ты цела?

Манива кивнула. Перед ней снова стоял её Эрик, нежный и добрый.

— Нам надо уходить, срочно.

Девушка снова кивнула и сжала в руках котомку.

— Не становись таким как они, пожалуйста.— шептала девушка гладя лицо воина своими руками.

— Доделай начатое… —

Северянин взял серебряноволосую за руку и закончил руну портала.

Сияние стало матовым, и сквозь него можно было попытаться рассмотреть то, что творилось с той стороны.

Девушка ахнула и чуть не выронила кинжал.

— Теперь-то ты мне веришь? — спросил Эрик.

Манива закивала. Её бил озноб. Там за мерцанием виднелись огромные вековые деревья, с белоснежной корой и пунцовыми листьями. К запаху грозы, пролитой крови и жженого пороха прибавился аромат опавшей листвы и земли после дождя.

Викинг накинул на девушку свой плащ, закутал её, словно непослушного ребенка, и, подняв на руки, шагнул в сверкающее марево портала, оставляя вопящего инквизитора в пропахшей гарью, кровью и смертью комнате караван сарая.

Глава восьмая. Демиург

После того как они вынырнули из разрыва на лесную опушку, Маниве стало плохо. Её выворачивало наизнанку. Тошнота и рвотные позывы переросли в безудержный кашель.

Эрик опустил девушку на землю и та схватившись за живот, все съеденное на ужин вышло обратно. Желудок мучительно свела судорога. Девушка стояла на коленях, вслепую упираясь руками в землю. Её качало.

— Что со мной?— едва слышно прошептала она, принимая из рук Эрика платок.

— Это откат, последствие использованной тобой магии. В первый раз так со всеми.

Манива подняла глаза на стоящего рядом мужчину. Она все ещё не верила в происходящее. После ночи с этим лысым и бородатым северянином её чуть не сожрал речной демон и чуть не сцапала инквизиция.

— Это не приятно но очень быстро проходит. Глотни, это поможет.— Эрик протянул девушке небольшую кожаную фляжку.

Она сделала глоток. Настой трав на медовухе, смел изо рта мерзкий привкус.

« Неужели все правда? Магия, эти миры отражения?» — Мозг Манивы отказывался воспринимать происходящее. Что-то внутри ее бунтовало. Но и игнорировать случившееся она не могла. Надежда, что её старая жизнь лишь результат вредоносных чар завистников, и будоражила, и настора-

живала.

«Если северянин не врет, то я очень знатная особа,»— тут сердце застучало бодрее и радостнее. « Больше никогда она не раздвинет ноги перед мужчинами ради денег.» — От этой мысли стало тепло и уютно, а в душе родилась мечта о счастливом браке, любящем муже и, конечно, детишках.

— Интересно, какой он, Асмодей, повелитель Нускама? — уже вслух произнесла девушка, поднимаясь на ноги.

— Слишком человечный для Властелина. Но местные считают его Демоном.

— А он? — шепот Манивы дрогнул.

— Ты все узнаешь сама. Но укротить его нрав и утолить его печаль сможешь только ты, Манива.

Мужчина вдруг качнулся и оперся рукой о ствол огромного белокорого дерева.

— Это тоже откат?

— Мне нужно присесть, чет запыхался я…

Едва Эрик произнёс эту фразу, тишину леса разорвало карканье.

Эрик расстелил на траве плащ и жестом пригласил девушку сесть, буквально плюхнувшись на землю. Взгляд Манивы привлек плащ, даже не на сам плащ, а бурое влажное пятно в его левом углу. Это была кровь. Точно кровь. Но только не её…

— Ты ранен?

Эрик улыбнулся и опустился на плащ.

— Ничего серьезного. Это царапина. Посплю, все пройдет. — Его лицо было бледным, а руки сжали правый бок. Сквозь пальцы просочилась кровь.

— Что тут зябко после знойного Оштоша. Может ты костерок…

— У тебя кровь!! Ты же лекарь… сделай что-нибудь…

— Да… Не всегда можно лечить себя, особенно лежа в забытьи, — прошептал Эрик и закрыл глаза.

— Черт, черт, — выругалась Манива. Она знала, что после поножовщины обычно пытаются остановить кровь, делая перевязку. И потом. Потом зовут лекаря. Воронье слеталось к дереву под которым лежал Эрик. Оглашая округу пронзительным карканьем.

Девушка оторвала от плаща кусок ткани; доставать кинжал из ножен она не решилась, тревожить Эрика она тоже не рискнула, лишь натолкала ткань меж телом и доспехом северянина.

— Ему нужен лекарь, но где его искать? — Девушка огляделась.

Легкий ветерок разогнал дождевые тучи, выглянуло солнышко, играя разноцветными лучами на крупных каплях, оставшихся после дождя на и без того пестрых опавших листьях. Вдали виднелись желтеющие пшеничные поля. Ровные квадраты которых свидетельствовали о труде земледельцев. Значит, и деревня рядом. А если есть поселение, наверняка есть и знахарка. А может, и настоящий фельдшер. Если

село большое, фельдшер точно должен быть.

Манива недолго решала, что делать. Слабеющее дыхание спутника не оставляло ей выбора. Она перевязала свою ферровую тунику широким шерстяным шарфом, сунула за спину кинжал и, набросив на плечи кожаный дождевик, помчалась за помощью.

* * *

Она выдохлась и перешла на шаг, ноги отказывались повиноваться от усталости.

Уже вечерело. И от огней деревни её отделяла неширокая полоса небольшой рощи. Скорее всего, это остатки некогда могучего леса. Тут росли гигантские вековые деревья, со стволами которых не справились топоры дровосеков. Но Манива упорно шла, шурша начавшей опадать листвой по протоптанной дорожке. Тишину нарушало лишь резкое каркань ворон. Таких огромных она в своей жизни не видела. В душе тлело подозрение, что эти твари следят за ней, перелетая с ветки на ветку. Но страх за Эрика боролся с отчаянием поднимающимся в груди девушки. Следов людей не было видно. Девушка села на корточки и чуть не расплакалась, от своей беспомощности. Вороны радостно закаркали слетаясь на ближайшее дерево.

Это очень разозлило Маниву. Она злилась на свою беспомощность и на этих ликующих тварей.

— Я не сдамся. Я не от дам им Эрика. Мне просто нужна помощь.— шептала сквозь стиснутые скулы девушка.— совсем не много помощи.

Она поднялась и выкрикнула в серое и пасмурное небо.

— Отец Небо!!! Помоги мне!!!я не так часто прошу тебя о чем либо. Но сейчас мне очень нужна твоя помощь!!!

С губ девушки слетел только шепот. Забытая рана ужас но засаднила. Девушка схватилась за горло. Вороны перескакивали на ветки по ниже.

Не долго думая Манива схватила с земли коренастую ветку и швырнула ей в воронье.

Стая вспорхнула в небо недовольно каркая.

Заглядевшись на странных птиц, она сделала ещё несколько шагов, остолбенела, когда периферийным зрением увидела почти рядом с собой сидящий на огромном валуне силуэт.

— Кто? Враг? Друг? — мелькнуло в голове девушки. Она застыла на месте, пытаясь рассмотреть возможного противника.

Им оказался длиннобородый старец в весьма странном балахоне, дикая смесь волхва и азиатского дервиша. Клюка, на которую опирался дед, скорее напоминала боевой посох, чем костыль.

Манива положила руку на рукоять кинжала.

Прижавшись к земле, стараясь не шуметь, девушка начала приближаться к незнакомцу.

Но осень — это не только плачущее небо под ногами.

Осень — это ещё и ковёр из опавшей листвы, и предательски громкие сухие сучья. Один из таких треснул под поступью девушки.

Старец даже не обернулся.

— Привет. — Его голос гулким раскатом разорвал тишь леса.

— Здравствуйте, — прошептала девушка, выходя из ширмы кустов дикой малины.

— Давно в этих краях не было гостей. Послушай, какая хрустальная тишина тут. А вид, прям сказочно волшебный, — Старец, опершись на посох, поднялся.— Но сейчас всем драконов подавай...

Старик махнул рукой и тяжело вдохнул.

— Уважаемый, мне очень нужна помощь, мой друг ранен. Мне нужна телега и лекарь.

— Да ты иди ближе, поболтаем. Не гоже кричать на всю округу. Стар я стал, да и твой голос хоть и наделен властью, но обделен силой, мои уши уже не в силах расслышать тебя.

Манива шагнула ближе и повторила просьбу.

— Я лекарь, а телега тебе зачем?

— Друга привезти, он большой, я его не дотащу.

— Ну раз гора не идет к Магомету, Магомет пойдет к горе… — пробубнил старец.

— О чем вы, милейший? Кто такой Магомет?

— Не обращай внимания, это я так… Так где твой друг?

— На опушке у развилки дорог.

— Кто ж его ранил там? Бандитов да грабителей тут давно видом не видели. Хищники да тролли так близко к моим границам не подходят, отвадил я их.

Манива не знала, что ответить, но нутром чувствовала, что медлить нельзя.

— Уважаемый, а можно все вопросы по дороге? Эрик истекает кровью. Дорого каждое мгновение, я и так столько времени потеряла, пока сюда шла.

— Истекает кровью? Тогда поспешим.

Дед стукнул посохом и поднялся на ноги. Он едва ковылял, и у Манивы навернулись слезы.

— Рано плачешь, дочка. Ты не смотри, что я немощный и колченогий, зато волшебник.

Старик нарисовал посохом в воздухе странный знак, и тут же лес озарился уже знакомым Маниве сиянием портала. Там, в мареве полыхающей энергии, у дуба лежал Эрик.

— Твой? — спросил старец.

Девушка кивнула.

— Ну тогда поспешим. — Старик поднял с земли кожаный заплечный мешок и заковылял к порталу.

* * *

Эрик лежал так же без памяти, а пятно на боку стало просто огромным. Манива бросилась к нему.

— Жених? — спросил старик.

— Нет, — ответила Манива, — скорее спаситель.

Дед опустился на корточки у раненого северянина и стал доставать из сумки какие-то склянки.

— А ты ведь не из местных… — Дед вдруг повернулся к девушке. — У местных таких волос не бывает. И не из наших, но к волшебству привычная. Кто ты такая? Что носит ферровую броню мастера, открывает порталы, но не может сама залечить рану?

— Я не чародейка… Пожалуйста, помогите ему, я что угодно для вас сделаю. Хоть золотом заплачу, хоть телом.

— Не жених, но за него ты готова и унижаться, и драться, — пробубнил старик, откупорив сосуд и поднеся его к ноздрям северянина. Эрик очнулся. Чем вызвал недовольное карканье огромных ворон на дубу. Мутная, полупрозрачная жидкость с зеленым отливом зашипела на ране. Эрик отстранился и зажал рану.

— Тихо, тихо, ишь резвый какой, — недовольно затараторил старик и попытался добавить жидкости в рану. Но рука викинга перехватила его запястье.

— Что это? — просипел северянин.

— Так-то перекись водорода, можно подумать, это что-то тебе скажет, — пробурчал дед и громким голосом добавил: — Коровья моча, выпаренная. Помогает.

Взгляд Эрика стал серьезным; он выхватил из-за сапога небольшой нож и приставил его к горлу старца.

— Вот и помогай людям. Все наровят глотку перерезать,

— проворчал дед и уперся в грудь северянина черным предметом, похожим на трубки инквизиции, только этот был меньше и весь из странного материала.

— Ножик опусти. Этот магический артефакт лишит тебя жизни. Я успею нажать на курок, даже если ты попытаешься перерезать мне глотку, — голос старца вдруг обрел силу и мощь.

Но Эрик не убрал клинок.

— Мне плевать, её жизнь важнее, ты не навредишь ей. Кто ты и где мы?

— Я пришел не вредить. Она позвала меня на помощь. Прям с дивана стащила.., как умудрилась только…

Эрик опустил нож и без сил повалился на землю.

— Какая странная вы парочка, — пробурчал старец и, шугнув ворон с дерева, добавил: — И компания у вас не менее странная. Тысячу лет не видел демонов. А тут сразу целая стая. Не к добру тут демоны, ох не к добру. — Старик поднялся, убрал артефакт за пояс балахона и неожиданно с легкостью поднял викинга к себе на плечо. Потом обернулся к Маниве.

— Ты знак-то запомнила?

Девушка робко кивнула.

— Ну тогда хватай посох и черти руну. Я открою портал.

* * *

— Я ничего не обещаю, но нужно уложить его на кушетку. Тут я даже рану осмотреть толком не сумею. — Старик распахнул дверь и вошел в покосившуюся хижину.

Манива что-то шепнула на ухо северянину, и тот пополз к кровати, оставляя на глиняном полу широкий кровавый след.

— Мне нужна будет твоя помощь, красавица, — голос старика снова стал властным и серьезным. — Нужно много кипяченой воды и чистые тряпки.

Манива схватила ведро и бросилась к колодцу.

Старик повернулся к Эрику.

— Так кто ты такой и что ты ищешь тут, в этом забытом всеми мире? И откуда у викинга на теле стреляная рана?

— А откуда у деревенского лекаря оружие другого мира?

— Я так и знал. Как звать-то тебя?

— Эрик.

— А там?

— Зачем тебе?

— **Ешкин кот**, это мой мир, так-то. Ты приперся сюда, притащил в него за собой адских тварей. Я не знаю, как называются те птицы и откуда они взялись, но серой от них прет за версту. Мало того твоя дева, оторвала меня от просмотра любимой телепередачи, вытащила в эту застывшую, промозглую осень. А у меня бронхит, между прочим, хронический…

— Это Вальравны — полулюди-полувороны, демониче-

ские сущности, способные пересекать пространство и время.— перебил тираду деда Эрик.

— Значит, я не ошибся…

— Ты скажешь, где мы?

— Ты не ответил на мой вопрос, но требуешь ответа на свой? Как ты вообще попал сюда?

— Я не знаю. Была потасовка. Клинок обагрился кровью и рассек пространство. Нас выбросило сюда.

— Ты не выбрал место для перехода?

— Она открыла портал.

— Но она же просто…

— Не просто.

— Ты? Это ты подарил ей сущность, но она не твоя, что ты творишь?

В этот момент в хижину вернулась Манива и, оставив ведра, вылетела за дровами.

— А если это нарушит её…

— Не нарушит. Я просто проводник.

— Да она уже влюблена в тебя. Что станет с ней, ты подумал? Ты вообще о чем-нибудь думал? Знал бы кто ты, оставил бы подыхать там на опушке. Сука ты, нельзя воровать у своих.

— Не вышло бы… Я бессмертен, как и ты, пусть я утратил свою способность творить, но бессмертие не потерять. Ты огородился от мира и ищешь покой. И ещё упрекаешь меня? Зачем? Когда в твоих руках возможность творить великие

дела.

— Я устал, Эрик. Мне милее покой.

— Как ты можешь? Я защищал тело Патрокла, сражался плечом к плечу с Леонидом у Фермопил, мчал гейтаром к шатрам Дария. Орудовал шпагой у ля Рошели, махал мечом у стен Иерусалима. Поднимался в атаку у крепости Осовец, защищал Тарнодан от зазеркальных тварей. Бился у разрывов рядом с сиром Апраксисом.

— Боль, смерть, страдания….

— Да, боль и страдания, и раны на душе, но я был там. Я сражался со злом, с мерзостью и черствостью человеческих душ. Я учился быть мужчиной. А ты, загнав себя в этот райский уголок, лишил потомков возможности встать рядом с тобой. Увидеть мир твоими глазами. Ты ещё можешь ударить по струнам читательской души. Ты Демиург. Писатель — мастер слова. Мастер мироздания. И только ты решаешь, какими будут твои истории. Только ты решаешь, что ты хочешь разбудить в сердцах людей.

— Тебе легко судить…

— Не легко. Поэтому последние годы я рыскаю по мирам в поисках вдохновения. Манива не просто девушка. Она ключ. Ключ к красивой и поучительной истории о Рыцаре пяти миров. И я очень хочу, чтоб эта история была написана. Поэтому я должен идти. Должен привести её туда, где ей место.

Манива снова вошла в хижину. Мужчины замолкли. Де-

вушка умело развела огонь и перелила воду из ведра в большой медный котел.

Мужчины молчали. Старец опустил в котел свои инструменты. Такие же, только поменьше, девушка видела на площади у палачей; её рука снова легла на кинжал.

— Ему будет больно, очень больно. И кинжалом ты не поможешь. Свяжи ему руки и держи, чтоб он не дергался. Ты хрупкая и худощавая, лучше сразу на него залезай. Если, конечно…

Манива недолго думая выполнила распоряжение. Она уставилась синими, как сапфиры, глазами в очи викинга. Они снова были рядом; их тела прижались друг к другу. Но не так, как там, в портовом борделе.

Старик подошел к викингу, клацая странными ножницами с плоскими краями на концах.

Он обмакнул их в кувшин с алкоголем, и в комнате запахло спиртом.

— Глотнешь? — Хозяин лачуги протянул Эрику кувшин. Тот северянин лишь помотал головой.

— Готов? — спросил старец, и Эрик кивнул.

Боль снова пронзила тело. Пока эскулап копошился в зияющей на боку кровавой дыре, северянин смотрел в глаза Манивы. В них было столько сострадания и тепла, ласки и надежды, что суровый, закаленный боями и путешествиями мужчина едва не потерялся в их глубине.

Он чувствовал, как девушка пытается взять контроль над

его сознанием и отобрать себе часть его боли. На глазах северянина блеснули слезы.

— Пусти меня, — прошептала девушка. — Я помогу, я умею. Будет легче.

— Как же я завидую Асмодею, — пробормотал северянин. Он чувствовал не только нежное тело на себе. Её торчащие соски. Она согрела его заботой, смешанной со странной страстью. Из души соприкоснулись словно параллельные миры, зеленым лучом на Восток, а компас нравственности сломался, все устои и ограничения пали. Она увлекла его в райские дали ветром знойных вьюг, что вяжет Север и Юг, Бризом что несет песок на Запад и Восток.

К центру всех миров, туда где
В небывалой голубой дали
Внемля звукам небывалых слов,

Сладко-сладко замирает кровь. Туда где Жарче тысячи солнц раскаленных горение юных влюбленных сердец.

Первозданная сила просто лучилась от нее, заживляя истрепанную жизнью и рутиной бытия душу скитальца.

Эрик практически забыл о старике, о ране, о боли. Были он и она. И это было нечто большее, чем просто слияние тел. Она словно коснулась его души каким-то очень древним и могущественным колдовством.

— Так, держись, норман, я её нашел. Буду тащить. Старайся даже не дышать. Потом надо будет зашить рану. Готов? На счет три.

Раз… два… Манива впилась в его губы поцелуем. Боже, что-то было в этом касании губ. Такого в долгой и насыщенной жизни викинга ещё не было. Он словно растворился в ней, забыв, как дышать. Боль исчезла. Манива задвинула её на самые дальние задворки. Её поцелуй увел его далеко за пределы мироздания. Он снова парил с ней в райских кущах, где благоухают цветы, поют ангелы и царит любовь. А потом обжигающая боль выключила его сознание.

— Ты молодец, справилась, — старик показал Маниве небольшой окровавленный шарик. — Нам повезло, что это серебро. Заражения не будет. Слезай. Он потерял сознание. Это как сон, или когда колотушкой сзади по маковке. А мне нужна будет твоя помощь, подержи свечу. Надо ещё его заштопать. — Манива взяла в руки подсвечник.

В боку Эрика зияло большое кровавое отверстие, как то, что образовалось в стене после хлопка трубки инквизиции.

Старик закатал рукава и достал кривую иглу с шелковой нитью. Стяжки были ровные и уверенные, словно он шил не плоть, а дырку на штанине. Манива, следя за его движениями, поклялась себе научиться этому.

* * *

Дрова в очаге почти прогорели. Эрик мирно спал, укрытый шерстяным одеялом заботливой девушки, а изнеможённый дед сидел на табурете. У него получилось. Спустя много лет. Но руки ещё помнили. Он сделал все правильно. Старик

сгорбился, словно на его плечах лежала великая гора, уронив голову на перепачканные кровью, дрожащие от перенапряжения ладони.

— Что-то не так? — озабоченно спросила встрепенувшаяся Манива.

— Все хорошо, он выживет, — крупная слеза скатилась по щеке старика.

— Тогда почему вы плачете?

— Я снова могу лечить... — выдохнул старец. — Вы вернули мне дар. Но кому нужен доктор, ковыряющийся в навозе?

— Всем. Людям нужно добро. А вы дарите его, как сладости на праздники. Вы великий мастер.

— Если бы. Этот мир забыт и почти не знает гостей. А без них он зачахнет.

— Может, это потому что сейчас осень? Распутица на дорогах. Не самое лучшее время для путешествий.

— Твои слова дарят надежду, Манива. Ты словно светоч в темноте. Надеюсь, ты права. Я вообще не люблю осень. Дожди, лужи, сырость, серость.

— Это потому, что ты только под ноги смотришь, — улыбнулась девушка. — Но стоит только поднять голову и оторвать взгляд от бренной Земли, ты увидишь ее. Богатство красок, листопад. Праздник урожая. Все это осень.

— Задрав голову кверху, недолго и в грязь лицом упасть, — ответил старец, но настроение врачевателя явно улучши-

лось.

— А ведь ты права. В князи без грязи не выйти.

— В князи?

— Почему нет? Это, конечно, не Нарния. — Мужчина развёл руками в стороны. — Но люди могут прийти сюда в поисках Магии.

— Ну не знаю, магия — это, конечно, здорово, но я друзей хотела найти. Всегда мечтала об этом.

— А избавление от оков одиночества и обретение преданности и верности других людей уже не ЧУДО?

— Хорошо, пускай чудо, но причём здесь магия? Я ж не волшебница, не чародейка какая-нибудь. Это вам с Эриком легко: махнули вон посохом, ляпнули заклинание…

Мужчина внимательно посмотрел на девушку.

— Магия… Магия — это не фокусы под залпы салюта и огни фейерверков. Превращение желаемого в действительное — вот что такое настоящая Магия. Люди часто забывают, что волшебство все ещё живо. Мы творим чудеса, не замечая этого. Наши мысли лишены материи, но используя магию, мы превращаем их в нечто осязаемое — рисунки, слова, статуи. И это не вызывает ни у кого удивления. А дальше эти овеществленные мысли снова порождают нематериальное — эмоции в других людях. Наше сознание нельзя пощупать или измерить, оно не объяснимо и не подвластно науке. Наше Эго — это наши чувства. Мы сами по себе уже чудо. Ты настоящее чудо.

Разделить чужую боль не каждый чародей способен. В каждом живет магия. Особенно в тебе.

— Это в сказках все просто, — вздохнула девушка. — Сказал «сим салабим» или там «по щучьему велению»…

— Тебе не нужны заклинания, чтобы творить Магию. Все гораздо проще, или ты думаешь, что в своем мире Эрик тоже грозный воин?

Девушка опустилась на скамейку рядом с дедом.

— Я не знаю, я в своем была портовой шлюхой. За два медяка торгующей своим телом. Пока он не пришел за мной.

Старец отложил в сторону посох и продолжил:

— Понимаешь, для мухи весь мир — куча навоза и дерьма, для пчелы огромный ковёр из цветов. Мы сами выбираем мир, в котором живем. Учись видеть красоту, тогда ты сможешь разглядеть в людях их положительные стороны и ценить это. Так и друзей себе на раз сыщешь. А будешь видеть одни недостатки — навеки погрязнешь в одиночестве.

— Ты знаешь, каким он был в своем мире? Вы с ним знакомы?

— Вряд ли. Но то, что мы с ним из одного мира, это точно.

— Какой он вообще, родной мир чародеев?

— Да такой же, наверное, как и все, только скучнее. Вот мы и бродим по мирам… пока не научимся ценить настоящее. Пока не отыщем свою истинную мечту, ту, ради которой сможем одолеть собственные Тщеславие и Гордыню. Такую, за которую и умереть не жалко. А это возможно лишь

тогда, когда мы научимся видеть Души, а не просто лица.

— Это все слишком мудрено, по-моему, вы просто все усложняете. Зачем делать сложным то, что проще простого?

— Проще простого для тебя. Ты умеешь видеть души уже сейчас. Поэтому ты так дорога для него. Давай спать. Наша болтовня здоровья Эрику не прибавит.

А судя по ране и тем воронам, силы вам очень нужны.

Глава девятая. Буян

Манива собирала в дорогу харчи, выделенные хозяином. А двое мужчин стояли у покосившегося, обветшалого забора.

— Я и так помог вам, чем мог. Еды в дорогу дал. Тебя от смерти спас. Ты требуешь ещё, вместо того чтобы проявить благодарность.

Эрик усмехнулся.

— Я бессмертен, как и ты. Пусть я утратил свою способность творить, но бессмертие в этих мирах мне не потерять. Ты огородился от мира и ищешь покой. Зачем? Когда в твоих руках возможность творить великие дела.

— Я устал, Эрик. Мне милее покой.

— Как ты можешь? Вспомни книги, которые ты читал в детстве. Наверняка мы читали одни и те же. Про вымышленные миры я даже вспоминать не буду. Но я был там. Я бился со злом, с мерзостью и черствостью человеческих душ. Кем

бы я вырос без мудрости выцветших от времени страниц? Ты же помнишь их шелест. Эту дрожь предвкушения? Помнишь. Такое не забывается.

— Я выгорел. Этот мир — моё убежище. — Старик опёрся на посох и обвел взглядом окрестность.

— Ты ещё можешь ударить по струнам читательской души. — Эрик сделал резкое движение рукой и тут же скорчился от боли.

— Моим историям не быть напечатанными, — старик не замечал ничего. Его взгляд был устремлен вдаль, словно мысленно он был совсем не здесь. — Это нелегко осознавать, но я голос, который никто и никогда не услышит.

— Нелегко. Поэтому последние годы я рыскаю по мирам в поисках вдохновения. Манива не просто девушка. Она ключ. Ключ к красивой и поучительной истории о Рыцаре пяти миров. И я очень хочу, чтоб эта история была написана. Поэтому я должен идти. Должен привести её туда, где ей место.

— Все, что я могу для тебя сделать… У меня у устья реки припрятана лодка. Шлюпка морская. Добротная. Но на веслах тебе придется идти несколько сотен ярдов. Потом поднимешь парус.

— На Буян так просто не попасть…

— Ты Пушкина не читал, что ли? «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь…» — дед усмехнулся.

— Так Лукоморье и есть Буян?

— Да. Самый простой путь в сказочные миры. Туда тебе

и надо. Доберешься? От побережья к камню ведет мощеная тропа из желтого кирпича.

— Дорога Мельпомены… — прошептал Эрик.

— Доброго пути, пилигрим. Может, **если…**

— Ты помог мне и в праве просить.

Ну вдруг на пути ты встретишь и мою музу**… то я бы… — старик замялся стесняясь признать в своей нужде.**

— Как мне узнать её?

— По плечам её льются волосы, цветом колоса спелого, а в глазах лучится неба синь. Губы алые, нрав кроткий. И имя сильное — Вера.

Старик тяжело вздохнул.

— Ты знаешь правила, демиург.

— Да, да… конечно..— прошептал старец и в спешке зашарил по карманам.

А когда он вынул руки, на раскрывшейся ладони мелькнула серьга. Небольшой сапфир в серебряной оправе.

— Это её, она потеряла… когда уходила. Мне б удержать ее тогда или в догонку броситься. Но гордость глупая обуяла… — В глазах старца блеснула слеза. — А без нее все опостылело. Время застыло.

— Если **встречу**. Я знаю, где тебя искать.

Старец взял со стола книгу в кожаном переплете и протянул её Эрику. Тот лишь вопросительно поднял бровь.

— Азбука, для Манивы. Ты был прав странник. Делая добро мы становимся только богаче.

В этот момент на пороге показалась Манива с тюком в хрупких ручонках. Ноша была тяжела настолько, что девушка выгнулась дугой, таща её.

В Эрике что-то кольнуло. Что-то ёкнуло. Он бросился к Маниве, пытаясь забрать тяжесть.

— Ты чего удумал, нельзя тебе. Тебе дыру в боку только вчера штопали, а ежели швы разойдутся? Или помрешь по пути. Что я делать-то буду? — Девушка выставила вперед руку и опустила баул на землю.

— Я крепче, чем тебе кажется, будущая повелительница Ангрена. Да и путешествовать нам по глади морской. Так что давай сюда ношу и пошли к берегу.

* * *

Сначала на горизонте появился огромный дуб с блестящей на солнце толстенной цепью. А потом вырос массив острова.

— Смотри, какой огромный! — прошептала Манива, не в силах отвести взгляд от дерева, крона которого уходила в небеса.

— Иггдрасиль, древо вечной жизни. Но нам лучше обогнуть остров. Тут у лукоморья нечисти разной пруд пруди.

— В смысле?

— В прямом. Лешие, русалки, вотчина кота Баюна. Знаешь, сколько историй тут осталось? Эта тварь пожирает их.

Любой автор, попав под его чары, теряет связь со своей музой. Он поглощает ее, делает музу своей рабыней. Каждый раз, обходя дуб кругом по цепи, он рассказывает новую историю или песню, делая тропу Мельпомены менее заметной.

— Зачем ему это? — Девушка была напугана.

— Раньше, когда авторы писали добротные сказки, он наделял их магическими дарами. Но потом его любимец. Тот, кого он считал другом, поведал людям о лукоморье. И сюда повалили все, кому не лень. Сначала кот радовался, а потом, когда писатели и поэты стали использовать его дары для личного обогащения и каверкать сами истории, он обозлился. Потому что это убивало древо. Теперь он сам рассказывает истории, пытаясь залечить раны, нанесенные горе-писаками и графоманами.

Эрика прервал раскат грома.

— Надо поторапливаться, нет ничего хуже, чем быть застигнутым штормом у побережья. Разобьет о скалы. Поможешь мне? Я грести буду, а ты руль оттягивай.

Манива кивнула и шагнула к корме.

Буян встретил их мрачностью серого дождливого неба. Серебряный лес, обрамляющий побережье, шелестел, хотя правильнее будет — звенел стеклянными листьями.

Лодка уткнулась носом в странный мелкий песок, больше похожий на перемолотые кости.

— Очень странное место. Где мы?

— Это не важно. Важнее держаться от этой прелести подальше. Для тебя он смертельно опасен. — Эрик махнул в сторону серебряных деревьев.

Лес качнулся и зазвенел хрусталем листьев, приветствуя викинга, словно старого знакомого.

— Да что же ты такое, в конце концов?

— Так ли это важно, кто я? Если ты даже не знаешь, кто ты?

— Я с тобой чувствую себя особой.

— Ты и есть особая… — но грохот грома заглушил слова викинга.

— И кто же я по-твоему? — Девушка вплотную подошла к мужчине. Тот слегка отстранился, сделав тяжелый вздох.

— Ты Манива. Мать будущего властелина Амосии. Я пришел вернуть тебя домой. В твой замок Аншатукаш.

— Ты верно пьян или сошел с ума. Такого города нет. Такой страны нет!

— В этом мире нет. Но и ты не отсюда. Ты ось истории, воплощение любви того измерения. Просто ты заблудилась меж мирами.

— Но я не хочу к властелину. Я хочу остаться с тобой.

— Не я твое предназначение, и, честно, я очень сожалею об этом. Но… — Эрик замолк и прислушался.

— Скажи мне, ты же тоже слышишь эту песню?

Манива закрыла глаза и тоже попыталась прислушаться. В плеске волн и шорохе камышей она услышала робкий и до

боли в сердце знакомый голос, поющий чудесную песню:

— Врата в иномирье
открoет гроза
И Страннику путь
в ней очертят дожди
Но стражи твои
у него на пути
Ворота закроют
твой сон стережа…

— Мама? Мама! — закричала девушка, но с губ слетел едва слышный шепот. Она коснулась рукой шрама на горле.

— Тш-ш… — Викинг приложил палец к губам девушки. — Ты станешь ей. Всему свое время. Просто слушай и вспоминай.

Манива снова закрыла глаза, а первые капли дождя, словно барабаны, начали выбивать ритм. Песня стала сильнее.

«Мой демон всевластный
печали отринь,
В объятьях моих
ты покой обрети,
Пусть схлынут все беды
под песню мою,
Волчицей дикой
покой берегу…»

Под следующий раскат грома девушка уже беззвучно подпевала припев, шевеля одними губами.

«В обители снов я храню твой покой
И звёзды на небе танцуют для нас
Мир тьмы и печали замкнётся вокруг
Мой голос все страхи разгонит навек
Ты спи я караулю
Хоть тысячу лет
Ты спи я на страже
Хоть тысячи лет…»

Сверкнула молния, море содрогнулось, и рев бушующего океана продолжил:

«…Мой голос и сердце
навеки твои,
Любовь словно щит
моё солнце и свет
Сквозь мрак облаков
Ждёт нас светлый рассвет
А В темную ночь
я тебя сохраню…»

Слезы бежали по щекам сереброволосой красавицы, смешиваясь с каплями дождя. Её губы дрогнули, и до Эрика донесся голос самой Манивы:

— Твой сон я в тиши,
Как стена берегу,
Дорогу к мирам,
я сама оборву.
Взову к небесам

шепча имя твое
Спи мой герой,
не бойся грозы!
В обители снов я храню твой покой
И звёзды на небе танцуют для нас.

Девушка встала во весь свой рост. Молнии нещадно впивались в бушующие волны. Ветер разметал серебро волос девушки, ливень хлестал её по плечам, словно смывая с нее все грехи, накопленные нуждой в чужом измерении. А черные, как теплая июльская ночь, глаза девушки светились огнем. Она пела. Голос вернулся к ней, а с ним и её магия.

Одежда на ней стала светиться всеми цветами радуги, вторя словам её песни.

— Мир тьмы и печали замкнётся вокруг
Мой голос все страхи разгонит навек
Ты спи я караулю,
Хоть тысячу лет,
Ты спи я на страже,
Хоть тысячи лет,

Голос обрел силу и власть. Стихия отступала. Сначала тучи, отметав весь боезапас, дружно поплелись за горизонт, следуя за порывами пастуха ветра, все еще рождая молнии и гром, когда сталкивались друг с другом. Потихоньку начали спадать волны. Океан, словно завороженный, засыпал под чудесный мотив.

— Мой демон всевластный

печали отринь,
В объятьях моих
ты покой обрети,
Пусть схлынут все беды
под песню мою,
Волчицей дикой
покой берегу,
Мой голос и сердце
навеки твои,
Любовь словно щит
моё солнце и свет.
Сквозь мрак облаков
Ждёт нас светлый рассвет

При этих словах лучи дневного светила залили берег. Наполняя серебряный лес игривыми солнечными зайчиками. Волны совсем стихли, и теперь океан милым котенком крался по песку к стопам чаровницы. Эрик смотрел на девушку, не отводя глаз. Он справился. Он смог. А девушка все пела, кружась в танце.

— А в темную ночь
Я тебя сохраню
Твой сон я в тиши
Как стена берегу
Дорогу к мирам
я сама оборву
Взову к небесам,

Шепча имя твое,
Спи мой герой,
Не бойся грозы.

К последним строчкам плакал уже и сам Эрик.

— Я нашел тебя. Ту, в чьем сердце святой огонь магии ещё пылает угольком. — Грозный воин отёр рукавом лицо, в его глазах блестели слёзы, но он улыбался. — Как же долго я искал тебя.

Девушка шагнула к воину и поцеловала его в щеку.

— Спасибо тебе за всё. Так кто же ты?

— Проводник. Следопыт. Искатель. Но я ищу не сокровища и не выслеживаю беглых рабов или преступников. Я ищу в мирах потерянное вдохновение. Возвращаю магию в страну фантазию. Учу летать творцов.

— Так ты… — девушка взглянула в глаза воина, пытаясь добраться до самой потаенной глубины души Эрика. Воин провел рукой по её щеке.

— Нет, я давно сломал свои крылья демиурга. Теперь я могу лишь помогать другим, строить их миры. Ты нужна ей. Она ждет, когда ты вернешься. Там, в гроте пещеры, есть портал. Он ведет к центру всех миров. Только ты сможешь отворить его врата. Я отведу тебя домой.

Эрик достал из котомки пару великолепных перчаток. Витиеватые узоры серебром оплетали их тонкую черную кожу.

— Это мой последний подарок тебе. Пойдём, повелительница дракона тебя ждет. Не будем заставлять великую мать

ждать.

Викинг вытащил из лодки баул с остатками еды и тяжелый сверток.

Он посмотрел на девушку.

— А это тут откуда?

— Старец сказал, что это ключ от портала. Я думала, ты знаешь. — Глаза девушки округлились от удивления.

Мужчина размотал тряпки, обнажив огромный двуручный эспадон.

— Странный, конечно, ключ, интересно, что за замок придется им открывать…

Ладно, война не беда, главное — маневры.

Манива непонимающе уставилась на воина.

Эрик махнул рукой и улыбнулся.

— Я совсем глупая?

— Нет, ты просто очень похожа на мать.

— Но я её совсем не помню….

— Путь долгий, я расскажу тебе о ней по дороге.

— Долгий, предолгий?

—Достаточно, чтоб я успел надоесть тебе своими наставлениями и нравоучениями. **Кстати это тебе. — Эрик протянул Маниве Азбуку демиурга.— Я научу тебя записывать звуки и читать их.**

Глава десятая
Новое начало

Страж, охраняющий портал, захрипел и рухнул в бездну, из которой и выполз.

Эрик устало выпустил из рук огромный меч и медленно опустился на обломок колонны, прижимая рукой источающую рану в боку. Манива ринулась к нему.

— Ты цел?

Эрик мотнул головой.

— Это не важно. Путь свободен. — Голос воина дрожал.

Манива обернулась к светящемуся в глубине порталу.

— Мне туда? — Сияние манило девушку, она кожей ощущала магический зов, но уходить не хотелось.

Эрик кивнул.

— Это портал к розе ветров. Она принесет тебя домой.

— Ты проводишь меня..? Мне страшно… — В глазах девушки стояли слезы.

Эрик поднялся на ноги, опираясь на меч, как на клюку.

— Только если до портала. Дальше мне нельзя.

— Но почему? — Манива опустила голову, пытаясь скрыть бушующие в душе эмоции. — Ты же можешь..

Эрик перебил девушку, не дав ей закончить.

— Ты забудешь меня, как только вернешься в свое измерение. — Эрик перебил девушку, не дав ей договорить. Мужчина не скрывал своих эмоций. — Знаешь, когда я отправлялся за тобой, я лишь пытался заполнить пустоту вот тут, — викинг ткнул себя окровавленным кулаком в грудь.

— И ты вернула мне душу. Заставила сердце биться. Напомнила, что такое радость и что такое счастье. Я очень благодарен тебе за это. — Воин облокотился плечом на портал.

Меч звякнул о камни, выпав из натруженной руки. Эрик отчаянно и остервенело тер ладони о полу своей рубахи, пока на них не осталось и следа крови. Манива стояла рядом и словно ждала чего-то. Воин нежно провел пальцами по серебряным волосам девушки.

— А сейчас мне больно оттого, что мы должны проститься навсегда. — Печаль и грусть словно тиски сжали грудь воина, мешая дышать. — Я… Я не смогу видеть тебя в объятиях другого.

— То есть мы..? — девушка не подняла глаз на сурового проводника.

— Да… — едва слышно прошептал Эрик, сглатывая ком, подступивший к горлу.

— А ты? — девушка подняла голову, глядя в голубые и чистые, как небо, глаза северянина.

— Я буду помнить тебя всегда, Манива. Тебе пора. — Его рука легла ей на плечо, подталкивая к порталу.

— Стой…. — Девушка положила левую руку на плечо воина. — Если я все равно не вспомню, поцелуй меня. Я хочу, чтобы ты запомнил меня такой, а не той шлюхой из портового борделя.

— Я никогда не считал тебя шлюхой, Манива, даже в тех обносках, там, в той комнате, ты была светочем. Чародейкой,

вернувшей мне веру в любовь.

Эрик смахнул со щеки не вольную слезу.

— Иди, тебе пора. Только не оглядывайся, иначе портал может…

Девушка обвила руками могучую шею воина.

Губы сомкнулись, отпуская на волю всю страсть, которую хотели подарить друг другу влюбленные, зная, что это их последняя близость.

Сколько длился тот поцелуй, Эрик не помнил. Но зато он навсегда запомнил земляничный вкус её губ. Её прощальный взгляд, полный благодарности и нежности, её последние слова, растворившиеся в треске портала:

— Не забывай меня…

Сердце воина пропустило удар когда он увидел как в гаснувшем мерцании портала Манива все таки обернулась. Чувство непоправимой беды сжало душу.

— Берегись!!— успел крикнуть Эрик видя как возле девушки выросла фигура ходячего мертвеца. Эрик не долго думая бросился в закрывающийся проход меж мирами.

Глава 11

Дорога тракта, извилистой змеёй, терялась среди золотых полей пшеницы. Всадники передового дозора уже предвкушали пир по случаю сбора податей с новых земель. Опасный участок с лесом остался позади, впереди — чистое поле

и маячивший на горизонте острог дозорной службы герцога Балинтийского, верного вассала его величества Елизара Пятого.

Пехота, ковыляющая за повозками с сундуками, поснимала шлемы и закинула щиты за спину.

— Пара-тройка часов — и считай дома. В безопасности за белокаменными стенами Крумделя. — устало подбадривал пехотинцев Капитан гвардии, широкоплечий юноша с карими глазами.

— Подтянись братцы. Ещё немного!!!— Зычно рявкнул он приподнявшись в стременах.

И Арьергард зашагал веселее.

Карета с временным поверенным ехала почти в самом конце колонны. Позади, не спеша, шла личная охрана казначея.

И это бесило капитана больше всего.Наемники. Беспечные и наглые, они полностью игнорировали все правила и табели о рангах, считая себя выше правил. Капитан осадил жеребца и дождался когда карета поравняется с ним.

Небесное светило разлило по просторам свой ещё ласковый свет, но уже припекало, белые облака плыли по небу, словно огромные замки небесных правителей. Казалось, вот он — рай на земле. Это чувство обострялось минувшей отрядной чашей возможного нападения.

— Я ж говорил вам, всё это небылицы… — начал лепетать казначей, высунувшись из окна повозки, когда стая птиц

вдруг вспорхнула из-за снопов с края поля.

— Отряд, стой!!! — заорал Эйгар. То ли нутром он почувствовал неладное, то ли опыт многочисленных баталий помог.

— Какой стой? Скоро полдень. Не время для привала. Не медленно двигайте дальше.— заголосил казначей.

Но Процессия остановилась.

И в этот момент защелкали плечи арбалетов. Свист тяжёлых болтов не перепутать ни с чем.

— Поднять щиты. Лучники во фланг!!! Стрелы на тетиву!!!

Рев капитана заглушил грохот наконечников, встретившихся с броней доспехов.

Заржали раненые лошади. Несколько рыцарей упало, истыканные болтами, словно подушечки для булавок.

— Сомкнуть щиты!! — орал капитан, пришпорив коня и прижавшись к гриве. Его десяток уже устремился за ним к стогам, из-за которых в небо взвился новый рой стрел.

Капитан дёрнул поводья, поднимая скакуна на дыбы.

Во время.

Навстречу кавалерии поднялся ряд копейщиков.

— Гоблины!!! Увозите обоз!!! Остальные ко мне!!!— рявкнул капитан сержанту личной охраны казначея.

В этот раз спесь и гонор слители с физиономии наемника и тот бросился исполнять приказ.

— За герцога!!!— меч капитана обрушился на первого из

копейщиков. И тут же несколько пик чиркнули по броне скакуна. Эйгар пришпорил коня,заставляя того снова встать на дыбы и ударить копытами неосторожного гоблина.

Рыцари Балентии уже мчались к своему капитану опустив забрала. Авангард легкой кавалерии тоже развернулся и шёл на помощь во весь опор, ощетинившись длинными пиками.

Скакуны обрушили копыта на неровный строй невысоких, но коренастых, закованных в костяную броню существ.

Возницы кареты, не стали дожидаться чем закончится потасовка и стеганули лошадей, рванув к спасительным стенам форта в окружении наемников, забывших о карете своего нанимателя.

Рыцари буквально вклинились в нестройную толпу копейщиков, рубя тех направо и налево.

Победа была близка, а капитан уже издал победный клич, когда ржание ломовых лошадей и волчий вой известили, что капитан просчитался. Наездники на волках атаковали лишённый прикрытия обоз. Наемники практически погибли все сразу. Лишь

несколько мечников из гвардии отчаянно отбивались от клыков и костяных топоров, но обоз был в руках налётчиков.

— Обоз!!! Все к грузу!!! — Проорал своим Эйгар, отказавшись от преследования гоблинов.

Всадники авангарда и рыцари Балентайна бросились к телегам. Но было поздно. Ловкие и проворные Орки растащили сокровища по седельным сумкам и стремительно улепё-

тывали в сторону дремучего леса Богвери.

К капитану подъехала карета поверенного.

— Вот, вроде, и вояка храбрый, и рубака доблестный, но глуп, как пробка. Меня охранять надо!!! Злато мы новым налогом соберём, крестьян много. А поверенный его величества один. По приезду сдашь меч и на свинарник. Навоз убирать. И пока всю сумму, упущенную, не отработаете, будете со свиньями трапезничать!!!!

Раскрасневшийся от пережитого ужаса поверенный вымещал ярость на солдатах.

— Но там же фея… Позвольте мне с отрядом преследовать грабителей и вернуть её. — возразил офицер, чем только подлил масла в жерло ярости чиновника.

— Ты реально думаешь, что столь мелкое существо, даже наделённое магией, способно восстановить ход Сансары? Великого колеса душ? Готов ли ты бросить службу, обречь свою семью на голодную смерть и последовать за налётчиками в одиночестве? И ради чего? Ради того, что бы в Вирании перестали рождаться бездушные? Безмозглый. Это кара богов!!!

Капитан качнул головой.

— Вот и не перечь мне, пока я не обвинил тебя в ереси и не бросил в лапы инквизиции. Ты не достоин даже говно за свиньями убирать. Я сказал — в город.

Глава двенадцатая

Морок

Очередной вечер, молодой герцог засиделся в библиотеке дотемна — пока свечи в канделябрах не оплавились настолько, что их свет перестал разгонять сгустившиеся сумерки.

Голубоглазый широкоплечий повелитель Кататиды перелистывал древние фолианты без цели, скорее чтобы просто потянуть время перед возвращением в постель, где его ждала юная княжна. В последнии дни одержимость супруги жаждой родить дочь дошла до абсурда. А счета от всевозможных целителей и лекарей уже сравнялись по сумме со стоимостью жалования личной гвардии Апверта — самой неприступной цитадели на этом берегу Таримана. Его цитадели.

Переложив заботу о уюте на плечи слуг, супруга повелителя Кататиды всё время проводила в окружении гадалок, предсказательниц и врачевателей.

Герцог поправил рыжую прядь волос, выбившуюся из-под ночного колпака, и отложил книгу. За окнами, больше напоминающими бойницы, грохотала гроза. Дождевые стрелы выбивали странный ритм на кроваво-красной меди крыши башни, под куполом которой находилась библиотека. Высверк молнии озарил убежище молодого правителя, а следом раздался оглушающий раскат грома. Лафрен невольно вздрогнул. Слюдяные витражи задребезжали, а со стеллажа упал покрытый пылью и паутиной свиток. Дерево тубуса истлело и при падении раскололось, обнажая жёлтую плоть па-

пируса, исписанную багровыми иероглифами.

Правитель поднялся во весь свой шестифутовый рост и расправил затёкшие плечи. Тяжёлый подсвечник в виде сказочного семиголового дракона легко поместился в широкой ладони правителя. Лафрен поднял свиток и начал осматривать стеллажи, пытаясь понять, откуда упал этот древний манускрипт. Тщетно. Все верхние полки были заставлены книгами, стоящими, словно его солдаты в боевой шеренге.

«Хм, ладно, пусть так, утром озадачу летописца», — мелькнуло в голове, и Лафрен решил оставить свиток на секретере. В этот момент тубус рассыпался окончательно, позволив свитку развернуться полностью, обнажив древние руны и клинопись. Герцог поднёс канделябр ближе к папирусу, пытаясь прочесть странные надписи. Часть символов была ему знакома, о смысле других он догадывался, часть, расшифровал прозорливый мозг. И всё же значения большей части текста так и оставались тайной.

«Сколько же тебе лет? Папирус перестали использовать ещё при Орнаре Милосердном, а это лет двести тому назад, если не больше...»

Герцог вернулся к стеллажу и взял с полки летопись. Снова зашелестели страницы. Всё было правильно, память его не подвела, а знания, полученные в храме в перерывах между жестокими тренировками, были точны. Иероглифы запретили, когда правнук Феонира, Томус-Блистательный, нашёл рецепт яда, которым отравили воду в колодцах Апверта во

времена восстания чародеев.

Правитель вернул летопись на полку. Что-что, а это наставники Храмовников вбили в сознание юного паладина розгами, поэтому упавший свиток и не давал покоя бывшему Оутбэреру (Страннику Клятвы — прим. автора).

«Так, Клинопись была запрещена самим Феониром-Великим, так как считалось, что именно ею написаны гримуары ведьм, значит, этому свитку лет триста, или ещё больше?»

Канделябр звякнул бронзовым основанием, прижимая папирус к дубовой столешнице. Герцог попытался развернуть древнюю бумагу и случайно порезал палец. Кровь капнула на древние спрессованные волокна. И вдруг надпись словно ожила, иероглифы слились в странную, почти визуальную картину, повествующую о древней колдунье. Лафрен вернулся за стол.

Кровавый месяц
не отмоют ливни,
Раз в двадцать лет,
о страшный,
ненасытный рок,
Платить ей должно,
невзирая на невзгоды,
Кровавый свой,
назначенный оброк.
На жертвенный алтарь возложат,
наследницу лозы,

в чьих жилах кровь
великих королей.
И тёмный властелин
вернёт свободу, Ахтарэ
Развеев морок
призрачных теней…

Лафрен сам не заметил как задремал, но тут, слуховое окно со звоном распахнулось под порывом ветра и очередным раскатом грома, а древний папирус рассыпался прахом, словно его и не было никогда, лишь на пальцах правителя остался тонкий серый налёт. От неожиданности герцог подскочил и проснулся. Свечи почти прогорели, а небольшое окно под самым сводом библиотеки недовольно скрипело, раскачиваемое ветром.

Правитель протёр глаза, закрыл книгу и, взяв канделябр двинулся вниз, в спальню к супруге, бормоча под нос: «померещится же такое…»

* * *

Эрна ждала мужа, её полупрозрачная ночная рубашка не скрывала чарующих очертаний молодого тела. Она лежала на семейном ложе, в компании двух совсем юных служанок и уже не молодой и почти нагой целительницы с роскошной, округлой грудью. Ох уж эта грудь, — сколько раз Лафрен корил себя за взгляды на эти просвечивающиеся сквозь тонкую ткань соски. Северная травница носила на плечах огромную шкуру волка и тунику из льняной ткани. Она ничуть не стес-

нялась ни своих обнаженных бедер, ни почти оголенной груди. И это бесило ещё больше.

Эрна поймала взгляд мужа направленный на сиськи травницы. Это лишь добавило желчи в её тон.

— Наконец-то ты явился, я уже было подумала, что замёрзну сегодня.. И надеюсь ты не забыл про свой супружеский долг.

— Что-то я не уверен, что тебе холодно.. — тон герцога ясно выдавал его отношение к посторонним на семейном ложе. — Что случилось? Почему в столь поздний час в моей спальне я вижу кого-то кроме тебя? И чем тут воняет?

— Это Евшан-трава, вымоченная в слезах. — прошептала одна из служанок склонившись в поклоне. — У нее резкий запах, но её настой помогает при ожогах.

Лафрен перевел взгляд на супругу.

— Ты обожглась? Как умудрилась?

— Согреться пыталась!!! Я же говорю в нашей постели слишком холодно! И мне было скучно и одиноко!

— Гроза, ваша светлость, госпоже было страшно — ехидно вставила целительница, – и очень, очень одиноко.

— Ещё раз, откроешь свою пасть без разрешения, и вместе со своими травами пойдёшь на корм скоту. — медленно проговорил Лафрен, напоминая черни её место.

— Но…— попыталась оправдаться и вступиться за подругу княжна.

— А ты, ещё раз проявишь неуважение ко мне переедешь

в обитель молчаливых сестер.

— Ты не посмеешь…— зло прошипела супруга.

— Даже война со всем севером меня не остановит, хочешь проверить?

Ярость овладела герцогом и он в два шага преодолел расстояние от порога до кровати. Спальня мгновенно опустела от лишних особ. Женщины понимали, что супружеские скандалы дело конечно обычное, но когда речь идёт о королевской семье, то свидетелей этих историй просто нет, крылатым мышам в клетках перед воротами, всё равно какие секреты знало их свежее мясо.

— Это так ты исполняешь свои обещания? — княжна разрыдалась. — Я жду тебя, а ты полночи пропадаешь неизвестно где! Ты обещал мне сделать всё. Достать звезды с небес. А мне не нужно звёзд! Я лишь о возможности иметь дитя, а ты… ты орешь на служанок которые пришли успокоить мои страхи, когда тебя не было рядом. Будь ты здесь когда гром громыхал, я б нашла спокойствие и защиту в твоих объятиях!!!

Плач княжны перерос в истерику.

— Ты меня больше не любишь? Сегодня была благополучная ночь. Я могла бы зачать девочку. Так целительница сказала, она и трав принесла, и свечей ароматных.

— В комнате воняет сексом!!! — прорычал Лафрен. — Не забывай, я все таки Паладин.

— Как ты смеешь?!! Я ждала тебя. Отвар усилил моё же-

лание. Ты вменяешь мне в измену запах моей страсти!!!

Слезы ручьем лились по щекам девушки, а тело содрогалось от рыдания.

— Прости, — прошептал Лафрен и обнял жену за плечи. — Просто последнее время чертовщина твориться. На западе кочевники вырезают целые деревни, сжигают поля, в Бурмиле паника, люди бояться выйти из дома, говорят в лесу объявился зверь людоед. А на юге…

— Я ходила в храм, ведуньи попросили жертву за благословение. Они обещали что если ты… то я понесу.

Герцог обнял супругу и прижал к себе.

— Сильно обожглась? — прошептал Лафрен на ушко супруги.

Эрна показала покрасневшие подушечки пальцев, правой руки.

— В следующий раз зови служку. Зря что ли кормим их тут.— Герцог нежно подул на ладошку княжны.

Эрна перестала плакать, а её губы нашли уста правителя.

Поцелуй был недолгим, девушка скинула с себя ночную сорочку оголяясь перед мужем.

— Возьми меня, ороси своим семенем. — шептала княжна стягивая с супруга рубашку. Девушка легла на спину и раздвинула ноги.

Лафрен уже давно не испытывал к Эрне былой страсти, он чувствовал себя быком осеменителем, а ему хотелось не просто секса. Он жаждал страсти. Герцог развязал тесемку

и спустил штаны. Его копье скорее напоминало сейчас висильника. Но Эрну это не остановило, она схватилась за достоинство обеими руками и начала активно массировать, не помогая себе губами. Что только усилило впечатление случки, а не занятия любовью. Лафрен откинул дурные мысли и навалился всем телом на жену. Его губы коснулись шеи, и начали свой путь вниз к её груди и нежно-розовым ореолам. Когда язык сделал первый оборот вокруг отвердевшего соска. Эрна дернулась и убрала грудь от его губ.

— Не надо, не так.

Едва начавшая обретать силу мужское естество снова обмякло.

Эрна уже тяжело дышала и обвила ногами бедра мужа.

— Не так. Возьми меня как победитель. — прошептала княжна. Он схватил её запястья и свел за головой. Девушка повиновалась с покорностью рабыни. Свободной рукой Лафрен ушепнул её за сосок. Эрна извивалась и умоляла войти в нее. Рука скользнула ниже к паху и пальцы погрузились в наполненное магмой жерло,

Её возбуждение передалось и Лафрену. Правитель не стал медлить.

Лоно впустило герцога.

— Да, мой повелитель.

Эрна застонала и начала двигаться в такт мужу, её пальцы впились в широкую спину, оставляя алые царапины.

Лафрен двигался размеренно, почти монотонно, словно

атлет на тренировке.

— Да, да…, — выдохнула княжна, выгибаясь под ним. — Пожалуйста... ещё.

Эрна стонала всё громче, её ноги сжимались вокруг его торса с силой, удивительной для столь хрупкого создания. Герцог повернул Эрну на живот, девушка приподняла бедра, он снова вошел в нее, и позволил свести ноги. Влагалище плотно обняло его член. Он сжал руками ее ягодицы и несколько раз качнул тазом.

— Да…— сорвалось с губ Эрны и Лафрен усилил темп. Палец герцог коснулся её ануса, и слегка вошел во внутрь. Девушка вздрогнула в конвульсии оргазма. Следом кончил и Лафрен. Но это не принесло ему того блаженства и сладкого забытья. Лишь усталость выполненного долга, навалилось м словно болотной тиной заволокло душу.

Лафрен обессиленный повалился рядом.

Княжна и приподняла попу выше, прогибаясь словно кошка.

— Ты чего? — удивился мужчина.

— Целительница сказала : «После соития постоять так немного, что бы семени было легче найти дорогу».

Эта фраза почему-то взбесила Лафрена, тот натянул штаны, сунул босые ноги в туфли и вышел из спальни хлопнув дверью.

Глава тринадцатая.

Пробуждение

Пробуждение было болезненным. Я с трудом разлепил веки, открывая глаза. Прямо передо мной качался на ветерке примятый стебелёк багульника. Трудолюбивая пчела выбирала траекторию для посадки на цветок. Яркое солнышко ласкало землю своими лучами, отливая радугой на капельках росы. Я попробовал пошевелиться, тело отозвалось болью, а к горлу подкатила тошнота. Желудок скрутило спазмом, заставляя меня поджать колени и застонать, но с губ слетел лишь странный рык.

— Эрррр.

Тело едва слушалось, словно чужое. Сделав усилие, я сел, оглядывая округу. Справа— небо подпирали вершины горной гряды со снежными шапками и покрытыми густым лесом склонами. Слева и прямо передо мной, за небольшим пролеском, расстилалась степь, бескрайняя, до самого горизонта, зелёное море колышущихся на ветру трав.

Взгляд упал на собственные руки.

Огромные и почему-то голубовато-зелёные.

Часть сознания воспринимала это как должное, но часть меня сопротивлялась.

Мысли путались, было впечатление, что я словно заперт в одном теле с кем-то ещё. Словно я не я…

«А кто я вообще?»

От бесполезных попыток реанимировать словно кем-то

стертую память разболелась голова. Я поймал себя на мысли, что знаю многое, очень многое об окружающем меня мире, но совершенно ничего о себе самом.

Лёгкий ветерок принёс прохладу лесной чащи и странную дикую вонь. Гигантским усилием я заставил тело подняться и зашагал прочь от поляны, пропахшей смрадом. Меня шатало, я едва успевал перебирать ногами, стараясь удержать равновесие.

Отойдя шагов на сто от места пробуждения, я вдруг понял, что воняло не на поляне. Это был мой собственный запах.

Меня передёрнуло. Тошнота снова подкатила к горлу. Во рту словно сотня котов нагадила. Дико захотелось пить, да и с вонью надо было что-то делать. Я огляделся. Сквозь стройные стволы молодых белоствольных деревьев со странной, похожей на зелёные кудри кроной, проблёскивала голубизной водяная гладь. Огромными шагами я отправился к излучине реки. Речушка была небольшой. Зайдя по пояс, я остановился у торчащего из воды гранитного обломка. Вернее, тело замерло само, игнорируя мои приказы и намерения.

Желудок прилип к спине от странного азарта.

Тело словно само изогнулось и прыгнуло в воду с головой.

Только тогда я заметил хвост огромной рыбины.

Руки, ведомые инстинктами, схватили существо в воде за жабры. Рыба отчаянно сопротивлялась. Извивалась, била хвостом. Но мои ручищи с силой саданули рыбину о край

камня, торчащего из воды.

Мягкая сладковатая плоть таяла во рту. Мигрень отступила, и желудок заурчал, одобряя подношение.

« Рыба: на вкус не очень, но голод утолила сразу.» — отметило подсознание, по крупицам заполняя информационные пробелы.

Ветер стих, и речная рябь успокоилась, оставив зеркально гладкую поверхность. В отражении появилась незнакомая, препротивная огромная голова с широкой пастью, широкий лоб, мелкие глазки. Непривычно высокий рост, ручищи, наделённые ужаснейшей силой. Странная зеленовато-голубая, покрытая чёрными татуировками кожа.

«Что за чертовщина? Этого не может быть».

Интуитивно я знал, что это не я, или не тот я, к которому привыкло моё подсознание.

Око небесного светила спряталось за белоснежным облаком.

Вода стала прозрачной. Я видел, как на дне шевелится рак, а вон стайка странных рыбешек устроила хоровод у большого куста водорослей.

Водоросли — подводные растения — вспомнила память, а вот есть ли у них кусты или нет, она не помнила.

«Пусть будут кусты.»

Пока я вспоминал, как называются скопления водорослей, облачко продолжило свой бег по небосводу, и лучи светила вернули воде блики.

«Нежное, ещё не обжигающее или уже?»

И тут же ужаснулся мысли. Солнце может быть опасным. Я это помнил. Не помнил чем, но знал, что долго оставаться на солнце нельзя.

«Да и вообще Солнце ли это?»— эта мысль заставила меня вздрогнуть.

Подгоняемый неведомым ужасом, я бросился в тень лесной чащи. Я уселся на старый большой пень.

«Где я?» Я ничего не помнил. Абсолютно ничего. Словно алкаш с дикого перепоя. Лишь боль, дикая и жгучая. Но не физическая. Странное чувство невосполнимой утраты терзало нутро.

Стоп… я знаю, что чувствует человек с похмелья. Я провёл по пню рукой, дерево не упало, его срубили. Срубил человек.

Но зарубки были явно мелковаты.

— Конечно, мелковаты. Противные людишки с их мерзким железом… — раздался грубый голос прям в моей голове.

Я попытался обернуться, чтобы найти говорящего, но что-то явно мне мешало. Словно кто-то всеми своими ментальными силами пытался взять под контроль моё тело.

— Это моё тело!!! Твоя тут чужой. Я Эр — пещерный тролль. Моя голова, обычно тут тишина. Мало того, что ворвался, ещё и думаешь так громко!! Твоя должна уходить.

Я от неожиданности поднял взор к небу. Голубое, голубое

— как дома… солнце заливало поляну своим светом, пробиваясь сквозь густую листву белоснежных берёзок. Я поднял голову в попытке оглядеться и понять:кто со мной говорит, где я и что вообще здесь происходит ?

Я схватился за голову обеими руками, стараясь зажать уши, но там, где, по моему мнению, они должны были быть, их не оказалось.

— Твоя не тролль, моя тролль. Твой тут лишний. Уходи!!! — прорычал Эр и я вдруг саданул кулаком в пень.

— Всё, доигрался. Шизофрения. — пробормотал я.

— Моя не шизофрения!! Моя тролль, твоя тут лишний!!! Уходи!!! — взвыл тролль и я ни с того , ни с сего саданул головой о чёрную каменюгу, торчащую из земли.

Звёздочки на мгновение закрыли пейзаж, было нестерпимо больно. На лбу явно росла шишка.

— Да что за хрень? Где ты? А ну выходи!!! Найду убью!!! — рявкнул я во все горло.

—Наглый захватка, залез мой тело и мой выгонять? Я тебя сейчас…

Я резко отклонился назад и ринулся головой на булыган.

Инстинкт сработал раньше. Я выставил руки вперед и уперся что было сил, стараясь предотвратить столкновение с камнем.

— Эй, остановись.

—Нет!!! Твоя должна выползай из мой тела!!! Или я разбивай башка о камень и доставай тебя пальцами…

—Так ты меня явно не выгонишь!!!— до меня начал доходить смысл слов звучавших в голове.

— Так ты тоже тут? Внутри меня?

— Это твоя внутри моя.

Хозяин тела снова выгнул спину готовясь нанести камню ещё один удар головой.

—Стой, это не поможет,так меня не выгнать, а вот угробить — угробишь обоих!! — мысленно прокричал я.

— Твоя слишком много думать. У моя от этого голова болит!!! — парировал тролль. — Сильнее, чем от драка с камень.

— Если я не ты и ты не я… — начал я, но голос меня перебил.

— Проклятая захватка… убирайся из мой башка.

Тело, повинуясь воле второго, запрокинуло голову для повторного удара о камень. Я напряг руки стараясь держаться от гранита как можно дальше, сотрясение мозга как-то не входило в мои планы. Началось странное противостояние за контроль за телом.

Несмотря на странную заторможенную речь, мой оппонент был явно не намерен сдаваться.

Он ткнул нас кулаком по колену, и, пока я отвлёкся, ещё раз приложился к камню.

В этот момент в глазах резко потемнело, и передо мной, воняя серой, возникло козлобородовое существо на кривых ногах, с мелкими бараньими рогами на висках.

— Послушай меня, умник. — властным голосом начал тёмный, не скрывая своего раздражения. — Ещё раз откинешь колено с самоубийством или каким другим способом от службы Злу уклонишься, приставлю к гиене огненной, будешь дрова под котлы подбрасывать…

— Я не самоубийца…

— Я своими глазами видел, что ты вытворяешь. Я тебя предупредил. Это твой последний шанс доказать мне преданность. Иначе, вовеки вечные, больше колесо не увидишь. Не говоря уже о розе. И ни один осколок тебя не воскресит. Ярость тёмного сквозила в каждом движении демона.

— Будь моя воля, ты давно был бы в самом котле. Ты проклял себя грехопадением. Твоя душа принадлежит мне…

Эр явно боялся этого мелкого тёмного существа, хотя мне казалось, я мог бы перешибить его одним ударом. Как бы то ни было, мой сосед по телу сжался в комок, и тело досталось мне. От такой власти я потерял равновесие и шлёпнулся лицом в траву.

Козлобородовый склонился к нам, почти уперевшись мне в лоб своими бараньими рогами. — И ты будешь делать то, что я от тебя требую. Так или иначе! Ты меня понял?

— Эр, тут что-то не чисто, позволишь, я сам с ним потолкую? — Задал я вопрос троллю. Эр что-то буркнул, но я принял это за согласие.

— Твой тёмный хитрить, душа не твой, если не твоя воля. — речевой аппарат словно испорченный переводчик ис-

коверкал мои мысли, обращая их в слова.

Тёмный впился в меня подозрительным взглядом. А я, решив воспользоваться паузой, попробовал выяснить хоть что-нибудь.

— Я ничего не помню. Память чиста, словно только что родился.

— Только странное чувство потери… Как дырка тут… — встрял в разговор Эр, тыча пальцем в грудь.

— Мне плевать на твои дырки. Ты — моё орудие. Твоя задача — сеять ужас и страх…

— Он всего лишь… — Эр в раздумье подбирал слово, чтобы закончить мысль, подходящее слово вылетело из головы, как птицы из гнезда…

— Я, я… — людь!!! — язык снова исковеркал мою мысль.

— Человек? — закончил фразу тёмный и расхохотался. — А Владыка был прав насчёт тебя, обещая мне, что я не пожалею.

— Че…ло…век. — повторил я знакомое слово на языке тролля, усилием воли заставляя непослушный язык повиноваться.

— Нет, ты не человек. Ты с треском провалил свой экзамен… Посмотри на себя. Ты — троль, пещерное чудовище… Людоед. Зверь, не более. Я дал тебе эту реальность, ты — мой слуга. Не вздумай своевольничать…

Тёмный щёлкнул хвостом.

— Деревня у излучины. Проголодаешься, тело подскажет,

что ты должен делать… и чтоб к закату там камня на камне не осталось!!!

— Там сейчас эти людишка в железе, с кусачим дымом и летающими палками. Они укусили моя в голова, а потом… — закончить Эр не успел.

— Асгбест привёл дружину, всё идёт по плану… — пробормотал козлобородовый и исчез в сизой дымке, словно его и не было. И лишь стойкая, ещё более мерзкая, чем моя собственная, вонь напоминала о его визите.

— Я уже не человек… — мысли текли медленно, словно облака в безветрие. Лишь гигантским усилием воли я заставлял мозг работать. — Значит, я был им… и что-то провалил… наверное, что-то хрупкое…

Я ещё раз оглядел свои огромные ладони.

— … а раз оно хрупкое, то, скорее всего, ты его просто сломал. Надо починить то, что сломалось, и тогда… и тогда моя голова снова будет тишина. — добавил Эр вслух.

— Слушай, я не знаю, кто я, и почему я тут с тобой. И мне это нравится не меньше твоего. Надо найти способ…

—Моя знай способ…— не унимался троль и снова замахнулся головой на камень.

—Да на!!!— заорал я и сам с силой ударил лбом каменюку.

Удар вышел ужасным.кожа на лбу засаднила а ужасная бол чуть не порализовала нас обоих.

—Че ? Помогло? Нравиться? Давай ещё? — я вспомнил

трепет соседа перед козлобородым.— Давай!!! Тебе с темным потом разбираться. Я вообще ничего не помню. Давай. Я могу продолжать, Давай самоубьемся. Вперед.

—Нельзя самоубиться, твоя права, надо искать другой дорога.

Мы уселись у камня молча ненавидя друг друга, я к тому же пытался понять что за чертовщина тут происходит, а раскалывающаяся от боли голова этому не помогала. Сколько мы так просидели не могу сказать, но то время мне показалось вечностью. Даже насекомые затихшие после нашей драки с камнем снова закружили над травой. И тут тишину поляны разорвали довольные крики странных зелёнокожих существ вперемежку с мелкими серыми созданиями с большими заострёнными ушами.

Я повернулся на живот и затаился, не зная, как реагировать на незнакомцев.

— Это орки, а те, что мельче, — гоблины. Мясо жёсткое и вонючее. Не такое вкусное, как у розовокожих, но голод утолит. Моя хотеть жрать… — очнулся внутри Эр.

Компания из нескольких десятков гостей расположилась на опушке. Они скинули набедренные баулы, наплечные сумки и принялись рубить сухие деревья и валежник для костра.

Пока я соображал, что вообще происходит, Эр получил контроль над нашим телом.

Троль вскочил на ноги и бросился к ним. Мощный удар

кулака буквально вмял в грунт ближнего орка. Остальные бросились врассыпную, и лишь один, подняв топор, бросился в атаку. Огромная секира едва не закончила моё путешествие, чиркнув по коже. Орк издал то ли боевой клич, то ли заклинание. Эр замер, но мне умирать не хотелось. Включились инстинкты. Мои инстинкты. Я ушёл с линии атаки и нанёс удар коленом в провалившегося вперёд орка, рёбра треснули. Мощь тела тролля была колоссальной. Увидев, что магия вожака не подействовала на противника, чужаки побросали поклажу и рванули врассыпную. Эр внутри очнулся и недовольно ворчал.

— Твоя, однако, полезный, моя противостоять заклинаниям шамана не может. А ты его враз и пополам, и шкуру спас, и завтрак добыл.

Эр со знанием дела выкорчевал из сустава руку поверженного и принялся уминать её, словно это была куриная ножка. Меня передёрнуло.

Эр справился с моим рвотным порывом.

— Зря ты так. Мясо полезно. Мясо много силы.

Наши зубы оторвали приличный кусок плоти и начали жевать.

« Но не сырое же…»

—Моя всегда так ем, пока не остыло. Мертвечина холодная и жёсткая. — Эр оторвал ещё один смычный кусок, я почувствовал почти звериное удовольствие растекающееся от наполненного желудка по всему телу. — Твоя привыкай,

троль траву не едят, мы не коровы.

— Ну, есть же и другие способы… — не согласился я, но наш диалог бесцеремонно прервали.

— Способы для чего? — над ухом раздался странный гул и стрекот. Троль отмахнулся. Но юркий летун снова завис над ухом.

— Так для чего способ? И вообще я в первый раз вижу, чтоб троль говорил, да ещё и сам с собой.

— Мой сосед, наш, тролья еда не нравится. — откликнулся Эр, пока я пытался разобраться, кому принадлежит этот тонкий голосок, и отмахивался от странного существа, кружащего над головой.

— Не маши так, я тебе не муха и не овод. Я, конечно, благодарна за то, что ты прогнал похитителей, которые украли меня у полонивших людей, но сильно на благодарность не рассчитывай. Из клетки я сама выбралась, так что чисто теоретически…

— Твоя может разделить моя и этот ужасно шумный болтун. Возможно, тогда мне не надо будет слушаться козлиную бороду. И моя пойдёт спать обратно в пещера.

— Болтун? Разделить? И где же он?

—Проклятый захватка залез мой голова и не хочет убираться.

— Это уже интересно, я думала, что ваше племя на грани исчезновения. А тут сразу два да ещё и в одном теле.— прожужжал голосок уже над другим ухом.

—Не два. Я тролль, я Эр. Болтушка не троль. Его вообще ничего не помнит, даже имени, навязался с утра. Разбудил почти в полдень. И думает, и думает. Я бояться, моя голова лопнет.

— Ну, знаешь ли, я сюда не просился!!! — начал я, но троль лихо парировал выпад.

— Если твоя не помнить ничего, откуда знаешь? Может, просился. Или тебя козлобородый подкинул, чтоб моя наказывать? — почти прорычал Эр.

— Я не знаю. Я ничего не помню. Кроме сегодняшнего. Помню только, что потерял что-то важное, и от этого словно дыра в сердце.

— Дыру в сердце может оставить лишь одна вещь — снова запищал голосок в такт стрекоту крыльев.

— Какая? — я почувствовал, как любопытство проснулось в душе Эра.

— Ангелы зовут её небесной усладой, демоны — адской мукой. Только люди…

Тролличьи губы не имели должной гибкости. Я напрягся, заставляя язык повиноваться. Медленно и картаво, но всё-таки мы выговорили это слово:

— Любовью… — закончил я фразу.

— Любовью. — вторил голосок. — Вот только Любовь не всегда награда…

Глава четырнадцатая

— Люди. Это человеки? — вставил Эр. — Если твоя знать, как её зовут человеки, значит, ты тоже Людь. Подлый людишка, ты залез мой ухо, пока я спать. Или ты колдун, что пальнул в меня жалящим дымом вчера вечером у деревни? А ну-ка, вылезай!!! — заорал Эр и снова собрался ударить головой ближайшую булыгу. Благо, вокруг их было разбросано немерено.

— Что? — с ужасом прошептал хозяин писклявого голоска.

— Ты глухой? Не шелестела бы крыльями, всё слышал бы. Твоя сильно жужжать над ухо, как комар.

— Дай мне поговорить с Людем.

Эр дико обиделся на слова девушки и взревел.

— Колесо Сансары почти остановилось. Души людей почти не возвращаются в мир.

Гул стих. А на камень возле пня приземлилась миниатюрная девушка в одежде из лепестков и с крыльями стрекозы за спиной.

— Семь из восьми новорождённых не имеют её. Они мертвы. Эпидемия мертворождённых — бич этих земель. Не злись, пожалуйста. Дай мне говорить с твоим гостем, мне очень важно. Пожалуйста.

Девушка сложила руки в молитвенном жесте и склонила рыжую голову.

— Твоя пресная. Твоя знает, что такое уважений, моя согласный. — Довольный Эр спрятался в глубинах подсознания. Оставив меня один на один с внешним миром и странным голосом.

— Это правда? Всё, что Эр сказал? Правда? — голос цветочной феи дрожал.

Я лишь кивнул нашей с Эром головой.

— Правда. Я не помню. Ничего, абсолютно, словно и не жил до этого. — ответил я.

«Порочный круг времён
Незваный гость разрубит.
В чужом обличии
Он явится во свет.
Любовью
Он оковы мироздания
Разрушит.
И пелена падёт.
Откроются дороги,
И голос песни
Поведёт любимых
К вечной розе…»

Произнесла нараспев девушка, заглядывая в глаза тролля.

— Что за Роза?… Козлобородый тоже твердил о каком-то цветке.

— Он точно из человеков, настоящий Людь, раз про Ветренный цветок ничего не знает. — буркнул тролль из своего

убежища.

Я буквально услышал, как заскрипели шестерёнки у нас в голове, — троль пытался думать.

— Поэтому орочий заговор на тебя не подействовал.

— Пусть Людь величай так, если хочешь…

Я обернулся к маленькой крылатой фее.

— А ты кто? Я тебя тоже не помню…

— Я лесная фея, и теперь, так как вы спасли меня — ваш должник жизни, по-вашему ангел-хранитель, ну и заодно и твоя совесть…

— Отстань, не сейчас, совесть без надобности, не до тебя мне, Людь память сломал. Починять треба… Твоя мешай… — вмешался Эр.

— И как же ты собрался память ремонтировать? — восхитительная улыбка-насмешка вспыхнула на лице крылатой девушки.

— Память в голова… — прорычал троль. — Моя биться голова об камень и вспоминай, как память чинить…

Лесная фея с полупрозрачными стрекозиными крыльями едва успела открыть рот, как троль со всего маха саданулся головой об огромный валун, лежавший на берегу. Камень с треском лопнул от чудовищного удара.

— Да что за привычка чуть что — башкой о камень? — фыркнул я на Эра.

— Моя, Людь, помогай, чтоб твой скорей уходить. И потом, я всегда так делай, когда забывай что-то.

Мы рухнули на седалище. Голова гудела, словно церковный колокол. Зверь потёр ладонью вздувшуюся на лбу шишку.

— Помогло? — издевательски произнесла фея.

Синий монстр замахал головой.

— Не помогло… башка совсем трещать стала… Больно. Но тут отпустило.

Я ткнул пальцем в область сердца.

— А там что болело?

— Не болело. Пусто. Людь там не только память теряй. — голос Эра вдруг стал печальным. — Троль думать, это память… хотя память в башке должна быть… Эр встал на ноги и задумчиво зачесал затылок.

— Ладно. С этим потом разберёмся… — сердито произнесла фея. — Ты совсем ничегошеньки не помнишь?

— Я всё помнишь, Людь не помнит. — Эр тряхнул головой. — Три луны назад ко мне пришёл Козлобородый. Сказал, что я его слуга и должен слушаться, и тогда он мою жену вылечит, и она родит нормального наследника. Кара богов коснулась и нас. Меня в деревню к человечишкам послал. Сказал крушить и буянить, кристаж дал, велел души погубленные в него собирать, особенно людских женщин и мелких детишек, тогда он из их страха и боли сделает лекарство для душа мой наследник.

Эр поднялся на ноги.

— У нас в горах только имеющий наследника считается

настоящим тролем. И чем больше потомка, тем больше уважений у других тролей. Мы с женой семь раз пытались. Семь раз она рожала мёртвую скалу.

Жгучая невыносимая боль наполнила сознание тролля и резанула меня, словно нож. Ему было очень больно. Отчаяние и надежда толкнула это странное создание на сделку с козлобородым. Мне вдруг открылись мечты этого монстра.

Пещера, потрескивающие угольки костра в очаге посреди грота, женщина-троль, возящаяся у разделочной каменной плиты, и он у самого пламени, рассказывает детишкам сказки.

Видение исчезло. Эр продолжил:

— А там у деревни были эти, на жеребцах, в железе, все совсем не вкусные. Давай в меня жалющими деревяшками кидаться со свой странный… — Эр замолк, подбирая слова.

— Покажи, может, я помогу. — прошептал я вполголоса.

— Как твоя помогай, если ты ничего не помнишь? Ай, ладно… — Эр напряг память, и у меня возник образ закованного в латы мужчины с арбалетом в руках.

— Это болты. Стрелы для арбалета.

— Подлая врака. Твоя знай орудия людишка?

— Я не лжец. Говорю тебе. Ты показал — я вспомнил.

— При амнезии так бывает. — вставила фея.

— Амнезия — это потеря памяти в результате травмы или происшествия. — всплыло в моём сознании. А Эр произнёс это вслух, чем вызвал шок у крылатой.

— Откуда у тебя знания демиургов? Кто вы такие?

— Голова пустой, как барабан. Потом Людь вспомнил. Бородатый ему сказал: «Больше не человек…»

— Значит, был. Но сломал. — добавил уже я, постепенно привыкая к странной трактовке своих мыслей голосовыми связками Эра.

— А кто такие ваши демиурги?

— Твой не лезь, когда мой с совесть разговаривай. — рыкнул тролль и саданул наше тело кулаком.

Ко мне вдруг пришло осознание, что началась обычная для самцов всех рас и разновидностей мериться писюнами. Не долго думая, я с маху плюхнулся на землю. Воздух из лёгких выбило, и перед глазами пошли то ли круги, то ли звёздочки.

— Вы так друг друга угробите. — испуганно воскликнула девушка, её голос наполнился силой. — Тёмный будет только рад. Вы что, хотите в его рабство на веки? Во всех воплощениях, в тысяче миров, за десять тысяч жизней не снять потом это клеймо.

Слова подействовали на нас, как отрезвляющий душ.

— Может, это вам судьба испытание устроила? А вы..? Вместо того чтоб помогать друг другу, пипирками меритесь, чей длиннее. Только вот беда — один он у вас на двоих. Как и жизнь в этом мире. Лучше думайте, как исправить то, что случилось.

— Как чинить, если даже не помнишь, что сломал… Я

совсем ничего не помню… ни кто я, ни где я… Даже имени.

— Зачем тебе старый звук? Я — Эр, ты — Людь.

— Буду звать Людэр. — на языке южан это значит двуликий. А кто ты — решать только тебе. Или вы рабы тёмного, либо жить по своим правилам. Но тогда у вас останутся только враги. Никому не нравится своевольность и неповиновение. А насчёт того, где ты… — Фея фыркнула, стряхивая с крыльев капли воды. — Для тебя это реальность. Мир, в котором ты проживёшь этот век. Это королевство Каресия. Владения герцога Балинтийского. Зачем тебе лезть в дебри мироздания?

— Помоги мне. Хотя бы в двух словах. Не хочется быть просто пешкой в чужой игре с непонятными правилами. — начал я, но замолк под оценивающим взглядом феи.

— Тут ты прав, конечно, не зная правил, ты шею себе враз свернёшь. И не только себе, но и Эру. А это минус моей репутации, я всё-таки теперь ваш Хранитель… — Фея почесала копну волос на макушке. — М-да, вот казалось, ну что может быть проще, чем хранить практически неуязвимое, одно из сильнейших существ на Радеоне? Но я знаю, кто может нам помочь.

— Кто? — хором ответили мы с Эром.

— Оракул ведает многие тайны… — загадочно пропищала крылатая.

— Вот только открывает он их не каждому. — Раздался позади голос козлобородого. — Безмозглая громила и

фея — весьма впечатляющий дуэт.. но отвечать на загадку сфинкса должен тот, кто будет задавать вопрос. У него нет шансов. Даже я туда не осмелюсь сунуться. Какое дело магическому созданию до низших смертных? Вы ж вроде в нейтралитете.

— У тебя нет власти задавать мне эти вопросы, а перед демиургами я найду что сказать.

Фея встала на плече тролля и подбоченилась.

— Так значит… — бородатая тень погладила бороду. — Только оно того не стоит, малышка. Я — Лорд Шазар, правая рука Колымара. Даже ваша верховная мне не ровня. — глаза тёмного налились мраком.

— Тут у тебя столько же власти, как и у меня. — отпарировала фея, щелчком пальца разгоняя исходящий от колдуна мрак.

— Не стоит столь юной волшебнице заводить столь могучих врагов. — прошипел тёмный.

— Это был не мой выбор. Но я от своего слова не отступлюсь. Я не отдам тебе Людэра.

— Людэра? Ты уже дала ему имя? Тролли не питомцы. Он проклятый, заклеймивший душу тяжкими грехами. Он — априори мой!!!

— Был бы твой, ты б его из гиены и не выпустил. Прочь с дороги, тёмный. — в голосе мелкой, размером с обычную стрекозу феи зазвучало могущество весеннего грома.

— На колени, Эр… — прорычал Тёмный.

Но огрин замотал бородатой головой.

— Моя не твоя раб.

— Значит, выбор сделан? — спросил козлобородый у тролля.

Чудовище кивнуло головой.

— Моя решать чинить свой прошлость. Моя тебе не служака!

— Будь по сему. Верни, что не твоё, и сделка будет расторгнута. Поглядим, чем всё это закончится. — ухмыльнулся тёмный. — Но помни, синюшный: Мои слуги живут в роскоши, они крушат великих, творят историю. Я могу дать тебе все богатства этого мира. Золото, драгоценности, власть…

— Зачем тролю всё это? Я такое не ем… — Эр вытащил из-за пояса синий кристалл и швырнул его Тёмному. — Троль — мужчина, а мужчина сам зарабатывает уважение, и богов, и сородичей!

— Надо было оставить побольше мозгов. — с досадой произнёс тёмный. — Я превращу твоё существование в ад!!! Вся Вирания будет охотиться на тебя!!!

— Мне не надо существование. Моя жить хочу. Я хочу… — прорычал Эр.

А я зациклился на странном названии этой страны. Оно звучало словно отдалённое эхо давно забытой истории.

— Тебе не запугать нас. — перебила троля маленькая фея. — Ты обычный шептун. Пережиток разрыва. Если бы верховный круг всё ещё существовал…

— Как же глупа молодость… — расхохотался демон. — Я не просто шептун. Я настройщик душ.

— Что ж ты до сих пор не продвинулся в своём поприще? — съязвила фея. — Семь тысяч лет в неисчислимых реальностях. Ты так ничего и не доказал… ни Творцу, ни хозяину?

Колкость удалась. Тёмный просто взбесился.

— Ты пожалеешь о своей дерзости!!! — прошипел демон и растворился в жёлтом облаке сероводорода.

— А ты храбрая, Вероника. — восхитился я.

— Скорее глупая, как и ты. Против нас восстанет вся армия тьмы. Все уязвлённые пороком люди. Вся нежить и нечисть, что осталась со времён короля Гастана.

— Моя не бояться ни тьма, ни людишка!! — Зарычал Эр. — Моя согласный идти помогай Вероника и Людь. Моя заслуживать уважений!!

— Даже с тобой, храбрый Эр, наши шансы мизерны.

— Но они есть. Значит, надо пробовать. — выкрикнул я.

— Искать потеряшка, хоть тысячу жизней. — рявкнул троль и зачапал в сторону леса. — Это интересней, чем служить тёмный бородатый козёл. Идём к твой Оракул, моя не знать дорогу.

— Тогда на запад. Миры соприкасаются зелёным лучом на Восток. Идя к закату, мы не пропустим изумрудный блик.

Людэр поднялся на ноги и зашагал вслед за мельтешащей впереди крошечной феей.

Глава пятнадцатая
Колыбельная

Факелы в коридорах цитадели почти погасли, гонимый разочарованием герцог шёл по ним будя задремавших постовых и пугая ночных мышей. В голове крутились строки из сна:

«Раз в двадцать лет, о, ненасытный рок, должна она нести кровавый свой оброк...»

Чьи-то слова, древние, как сам Тариман?. И лицо колдуньи, проступившее в иероглифах — юное и одновременно бесконечно старое. Он попытался отогнать видение, сосредоточиться на ощущениях. Но образ колдуньи словно преследовал его. Грезился в каждой тени, в каждом темном закутке. Лафрен, снял со стены трофейный меч добытый кем то из предков, и сделав пару резких махов проверил клинок рубанув по стоящему рядом чучелу пещерного медведя. Набитый сеном череп хищника и толстая жердь удерживающая голову были срезаны начисто. Сталь хранила остроту лучше чем герцог свою страсть. Ощущая силу герцог взял себя в руки и видения отступили. Но возвращаться в спальню не хотелось. Герцог решил залить горечь и разочарование вином, и двинулся в подвал.

Но едва он сделал несколько шагов по винтовой лестнице, как уловил до боли знакомый аромат сущностной соли чертополоха. Правитель остановился и поднял меч. Этот аро-

мат он узнал бы даже находясь среди запахов в парфюмерной лавке, на распродаже душистой воды.

"Чертополох." — прошептал Лафрен.

Так пахло белье в старом храме, куда ещё совсем юного Лафрена привел старик отшельник.

Винный погреб цитадели не уступал размерами хранилищу верховного храма, такие же огромные бочки вмонтированные в стены, те же стеллажи с бутылями и амфорами. Запах дерева и сырости. Сколько времени провел Лафрен в этих лабиринтах в пору ученичества, было не счесть. Любимым наказанием наставника была война с крысами. Провинившемуся послушнику выдавали лишь палку. Полный мрак, узкие коридоры, и скрежет когтей по камням. Чего только не нафантазируешь когда шаги наставника растворятся во мраке. Лафрен передернул плечами вспоминая холодные прикосновения обнаглевших хозяек подземелья. Но благодаря этой экзекуции будущий паладин перестал бояться тьмы. Очень скоро семилетний мальчишка научился бить на звук, ориентироваться на ощупь. Подземелье сначало стало его наказанием, затем убежищем, а потом обителью. Иногда он даже специально получал наказание, что бы вернуться во тьму. Здесь он не чувствовал себя неумелым мальчишкой, – здесь он был властелином. . Крысы очень быстро запомнили, что за запахом чертополоха идет смерть. Паладины ордена использовали соль сущности как оберег. Хотя по сути это были остатки от производства расходившейся "на ура"

ароматной воды. А сколько ссадин осталось на коже после его сбора в горах Банияда? Не счесть. Но дело было даже не в этом. Так пахла мама. Тогда, в свой последний день. Она вылила на Лафрена весь пузырек неимоверно дорогого дистиллята и закрыла сына в погребе, приказав молчать, что бы он не услышал.

Гроза бушевала не виданная, казалось от сползла молний трескается небо. Раскаты грома сотрясали стены. Шторм застал Двоюродного брата Короля и его семью в охотничьем домике, на пути в столицу. Ливень хлестал так словно Боги снова решили смыть с лика Изендара все живое. Воины, придворные, все тогда сгрудились у старого очага, пламя которого согревало дом и дарило свет надежды. Лафрен ещё пятилетним ребенком жался к матери. Та отставив кормилицу взяла сына на руки.

— Все будет хорошо, это просто гроза. — шептала княжна словно молитву качая сына, и Лафрен почти поверил. Почти.

Истошный крик снаружи возвестил о приходе новой беды. Отец, обнажив оружие, выскочил наружу охрана устремилась за ним. Но вскоре боевой клич Уванди захлебнулся в шуме дождя. Звенела сталь, кричали смертельно раненые воины, но все это растворялось в странном звуке напоминающем чавканье свиней в хлеву. Княжна сильнее сжала сына.

— Что бы не произошло, что бы ты не услышал, ты будешь молчать, хорошо? Мы сыграем с тобой в игру, согласен? – но взгляд голубых глаз княжны Кататиды был серьезен. Лафрен

закивал.

Женщина достала из под платья изумрудный флакон на тонкой золотой цепочке.

— Я полью тебя волшебным зельем, оно превратит тебя в камень, ты будешь сидеть тихо и неподвижно, словно скала, а я схожу за папой и попрошу его тебя отыскать. Если ты выиграешь мы поедем летом в Борону, я разрешу тебе выбрать настоящий кинжал. Договорились?

Тогда ещё юный Лафрен закивал. Ради мечты о настоящем оружии он был готов на всё. Мать отодвинула циновку и подняла люк подвала. Мальчика окропили капли «волшебного» зелья, лишь годы спустя он догадался, что это был лишь дистиллят воды чертополоха. Но тогда. Тогда он ещё верил в сказки. Переборов страх темноты, грея душу мечтой о Боронской стали принц спустился в подпол и замер. Он сидел тихо. Не шевелясь, стараясь даже не дышать. Шум и истошные крики наверху казались детской игрой, до тех пор пока не вскрикнула мама и что-то тяжелое не упало на люк. Потом ещё долго сверху кто-то скребся о доски пола. Лафрен даже улыбался думая, что это отец специально пугает его, что бы мальчик выдал себя криком. Потом что-то начало капать сверху, а небольшой погреб уставленный бочками наполнил жуткий запах с металлическим привкусом. Но мечта о собственном сокровище грела душу. И темнота сомкнула глаза.

Сколько мальчишка просидел в том погребе не известно.

Там было всё, и животный страх, и мысли о том, что о нем просто забыли, и тщетные попытки открыть люк самому, не было только шума и криков. Потому что Лафрен обещал. Он почти отчаялся и сидел закрыв глаза, но когда снаружи вновь послышались голоса людей он вздрогнул, задел один из глиняных горшков и тот с грохотом упал на каменный пол. Через мгновенье яркий солнечный свет ослепил мальчика. Сильные руки наставника грамматон клерика верховного храма, мастера меча и молитвы, сэра Ульрика, вынули его из заточения.

* * *

Тихий мотив песни прервал воспоминания. Шаги герцога стали бесшумными, он поднял меч и двинулся на звук. Слов было не разобрать, была слышна лишь мурлыкающая мелодия. Через десяток шагов за бочкой мелькнула свеча, раздался всплеск воды. Лафрен выскочил на свет.

— Кто ты?! И что ты тут делаешь?!

Девушка обернулась и от испуга, швабра выпала из рук и перевернула лоханку с водой, а сама девушка шлепнулась на колени прямо в растекающуюся лужу, ткнувшись лбом в пол.

— Ми…, Ммилорд…— выдавила она едва слышно, — я Кэти, помощница прачки, пощадите!!!

— Встань! И отвечай! Что же делает помощница прачки по среди ночи в винном погребе?

— Я, я просто…

— Хватит мямлить! Что ты тут делаешь?!

— Я была помощницей прачки до сегодняшнего обеда, а потом госпожа Тати получила выговор от княжны за то что белье странно пахнет. Её величество пришло в ярость от этого запаха. И меня Татти, а я… я клянусь… я сама его выстирала, и те простыни потом ещё и отваром мамкиным окропила, что б всяких насекомых отпугнуть. Вшей там или клопов. Матушке моей тот секрет от бабки достался, когда ещё мор был и мертвецы из могил поднялись. Бабка рассказывала, всю деревню чума выкосила, а в её избе все выжили. — девушка тараторила так быстро словно боялась что её прервут не дав оправдаться. Её широко открытые в испуге, черные как летняя ночь глаза ловили каждое движение мужчины, пытаясь угадать, несёт ли он для нее опасность и что с ней будет дальше. Руки нервно, то сжимали подол, то отпускали его, чтобы через секунду вновь сжать.

— Отвар говоришь? А где сейчас бабка?

Лафрен принюхался от девушки на самом деле пахло очень деликатно, тонкий, чуть сладковатый аромат с нотами меда и легким намеком на горький миндаль. Ошибки быть не могло. На самом деле это был аромат «Слез Чертополоха».

— Так сожгли ее, обвинили в колдовстве и сожгли. А рецепт остался.

Что-то не вязалось в рассказе прачки, «Слёзы чертополо-

ха» он не столько отпугивал мелких насекомых, он работал против всех кровососов, в том числе и вурдалаков, да и колдуньям чакры перекрывал не давая возможности пополнять запасы магии. Знания защитных зелий не просто заучивали, их вбивали в послушников розгами. Такое не забывается.

— Татти, — задумчиво произнёс Лафрен, — и что же она сделала, напомни ка ещё раз.

— Старшая прачка приказала замочить пропавшее белье винным уксусом. Чтобы запах отбить. А за одно велела полы вымыть. А мне ещё воду в кадки к утру натаскать надо. — голос девушки дрожал от несправедливой обиды.

— Бельё? Уксус? Полы? Да ты верно пытаешься меня обмануть!!? А что за заклятие ты тут шептала!!?

— Это колыбельная господин, — ответила девушка, — мне её пела мама, в детстве, и теперь когда мне страшно, я её пою, для храбрости.

— Докажи…

— Я… я не …

— Перечишь мне? Ты знаешь кто я? — зашипел герцог все еще не отошедший от скандала с супругой.

— Прошу прощения..— девушка снова ткнулась лбом в пол.— Не губите, господин. Я недавно в замке. Я с прачечного двора дальше столовой для прислуги никогда не ходила. Не положено. Так госпожа Тати сказала.

Лафрен оглядел себя, и тут же чуть не расхохотался, в ночной пижаме, с мечом на перевес и спальном колпаке он

явно не выглядел грозно или величественно.

— Пой! — скомандовал Лафрен.

Девушка запела сначала едва слышно и очень робко.

Спи, кровиночка, не бойся,

Баю-баюшки-баю,

Ночкой тихой, ночкой тёмной,

Я молитву пропою.

Ни чума, ни злые войны

Не найдут тебя вовек,

Мимо пусть пройдут невзгоды

Песня — верный оберег.

Голос сделался сильнее, песня наполняла её смелостью и отвагой.

Спи, кровиночка, не бойся,

Баю-баюшки-баю,

Лафрен невольно поймал себя на том что подпевает девушке одними губами. Как тогда в далеком детстве своей матери. Лафрен не знал слов песни, но «Баю баюшки» он повторял словно завороженный. Голос девушки растревожил его заледеневшую душу почти до слез. Герцог сглотнул ком подкативший к горлу.

Я тебя укрою песней,

От напастей защищу.

Утром солнышко проснётся,

Светом в горницу зальётся.

Зло не вечно, тьма уйдёт,

Лишь любовь не устаёт.

Баю-баюшки-баю,

Герцог невольно залюбовался певуньей, вспоминая напевы матери. В голосе Кэти звучала та самая щемящая нежность, решимость и сила, с которыми любая мать готова сделать все для своего ребенка. Закрыть собой от всех невзгод. Только сейчас Лафрен понял что для его матери стоило всё то спокойствие и уверенность. И какое нужно для этого мужество особенно когда страх раздирает душу изнутри. Кэти тоже боялась, боялась но пела. Пела наперекор своему страху. Герцог смахнул предательскую слезу рукавом ночной рубахи. И не стесняясь стал подпевать прачке.

Баю-баюшки-баю,

Я тебе любовь дарю,

Спи, кровиночка, не бойся,

Я тебя оберегу.

Девушка замолкла.

— Эта песня не защитит тебя от хвори, и уж тем более от упырей.— буркнул Лафрен, глядя в черные как теплая июльская ночь глаза служанки. Почему то их блеск напомнил ему тот самый флакон, в виде грозди винограда, семейного символа семьи Бардании.

— Другого оружия у меня все равно нет, я простая помощница прачки.

Тонкие бледно-розовые губы девушки плотно сжались.

«А она не из робких, или это отвага подневольных?»

Мелькнуло в голове герцога и он снова вспомнил себя учеником. Он тоже тогда пел. Пел чтоб не слышать скрип когтей по камням и шелест хитина всяких ползучих тварей что населяли подземелья замка. «Такая умрет но выполнит приказ. Послушание достойное высших клириков»

— Хм , зато у меня есть.— добавил Лафрен вслух. Сталь блеснула в свете свечи.

— Не пристало милорду нищету охранять. У вас наверняка есть дела по важнее.

— Я — паладин Белой Розы. Мой обет— охранять и защищать всех слабых, и уж тем более подданных герцога. Ты ведь подданная господина Лафрена Кататидского? Ты так и будешь сидеть? Сама ж говорила надо полы помыть, белье замочить и воды натаскать.

Девушка кивнула, она явно смутилась, и как то совсем по девичьи поправила промокшую юбку. Пальцы сжавшие передник говорили о том что она точно не знает как себя вести.

— А что господин тут и в правду есть упыри?

Мужчина вспомнил цель вещи в и улыбнулся.

— Нет тут упырей, но дозор вещь важная. Давай так.., — вдруг неожиданно, для себя предложил Лафрен.— ты тут домывай, а я посторожу тут все одно торопиться мне некуда.

— А дозор?

— Что дозор? За одно и колодец опосля проверю. В них иногда нечисти…

— Откуда ж нечисть в ключевой воде? — улыбнулась де-

вушка.— Да и не стоит светлейшему паладину тратить свое время на простушку. Господин Герцог суров и скор на расправу. Коли прознает, что вы свой долг не выполнили он и вас покарает, а мне, а меня, а я даже представить боюсь, что со мной будет..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.